

Фихте, Лист, Витте, Сталин: изолированное государство, протекционизм, первоначальное социалистическое накопление и "социализм в одной стране"

Всю нашу надежду мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, - мы будем раздавлены, это несомненно.

Л.Д.Троцкий, 26 октября 1917

Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

И.В.Сталин, 4 февраля 1931

Конец мировой революции

10 февраля 1921 года народный комиссар РСФСР по делам национальностей, член Политбюро РКП(б) И.В.Сталин выступил в печати с утверждёнными Политбюро тезисами к докладу X съезду РКП(б) "Об очередных задачах партии в национальном вопросе". Формально касался он лишь территории Советской России и бывших народов Российской империи, где действовала вертикаль РКП(б). Но на деле - задолго до решительного определения задач "строительства социализма в одной стране", ставших программной инициативой в 1925 году на XIV съезде ВКП(б), когда доктрина приоритетной мировой революции была вместе с её идейным лидером Л.Д.Троцким отодвинута от политической власти, а сама мировая революция в итоге была подчинена интересам СССР не как Мировой ССР, а как одной из великих держав, - Сталин изображал тот ландшафт, на котором мировой коммунизм не только не был приоритетом, но буквально тонул в хаосе империалистической и национальной борьбы. Ещё 26 ноября 1920 года политический и идейный вождь РСФСР В.И.Ленин заявил: "Мы всегда говорили, что мы только одно звено в цепи мировой революции и никогда не ставили себе задачи победить одними своими силами". И вот, три месяца спустя, стало выясняться, что мир лежит в межгосударственной борьбе и руководящей помощи оказавшейся в одиночестве РСФСР ждать неоткуда.

Радикальный враг большевистской власти, не останавливавшийся перед проповедью военной интервенции ради сокрушения Советской России, П.Б.Струве в ноябре 1919 года, далеко до окончания белой борьбы против красных, Струве признавал, что начав с "антипатриотичной" и "противогосударственной" революции, большевики создали военно-государственную организацию и, "начав с провозглашения мира, с отрицания и разрушения армии, эта социалистически-интернационалистская организация с неслыханным упорством начала войну, всем ей жертвуя и ради самосохранения всё подчиняя социалистическому милитаризму... Уничтожение армии привело к превращению всего государства в красную армию". Армия-государство за спиной и мировой ландшафт перед глазами, описанный в начале 1921 года Сталиным, открывали

Советской России только одну реалистичную перспективу - стать, в случае успеха, одним из игроков в этом хаосе, выбирая себе место либо среди империалистических великих держав и эфемерно независимых новых национальных государств - либо среди колоний, борющихся за освобождение:

"Послевоенный период открывает неутешительную картину национальной вражды, неравенства, угнетения, конфликтов, войн, империалистических зверств со стороны наций цивилизованных стран как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам. С одной стороны, несколько "великих" держав, угнетающих и эксплуатирующих всю массу зависимых и "независимых" (фактически совершенно зависимых) национальных государств, и борьба этих держав между собой за монополию на эксплуатацию национальных государств. С другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и "независимых", против невыносимого гнёта "великих" держав; борьба национальных государств между собой за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетённых национальных меньшинств. Наконец, усиление освободительного движения колоний против "великих" держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своём составе, как правило, ряд национальных меньшинств. Такова "картина мира", оставленная в наследство империалистической войной".

В этом ландшафте и сформировалась для большевиков проблема "**социализма в одной стране**", то есть установления в России и СССР суверенного политического режима, основанного на коммунистической (социалистической) экономике, - главной задачей Советской власти. Несмотря на то, что доминирующая марксистская традиция говорила о коммунизме как о масштабе мировой революции, задача *суверенного социализма* не была новым или монопольным изобретением, или вынужденным открытием руководства большевиков.

В осознании этой задачи они нашли опору в широком социалистическом консенсусе внутри России, суверенизаторский пафос которого ещё вполне не описан, но интеллектуально совершенно ясно проявил себя в том же 1921 году. Именно тогда он выразил себя, можно сказать, в самой сердцевине социалистического сознания, а именно в попытке научного конструирования экономического проекта новой, *отдельной* России (о его предпосылках и направлениях подробнее ниже): именно его выдвинул экономист-аграрник, активист кооперативного движения, бывший товарищ земледелия Временного правительства, действующий член коллегии Наркомата земледелия РСФСР, в историографии пользующийся - наряду с Н.Д.Кондратьевым - репутацией противника сталинизма, А.В.Чаянов (1888-1937). Формально он претендовал на проявление общих методологических подходов к исследованию народного хозяйства в традиции "изолированного государства" (Тюнена), но на деле исходил из новой реальности России. Он, разумеется, теоретически анализировал перспективы массового крестьянского мелкотоварного аграрного производства в советской России, ставшего реальностью в результате революционного "чёрного передела" (уничтожения помещичьего землевладения и перераспределения земли) 1917-1918 гг., но делал это в **жёстких пределах национальной территории**. Этому были посвящены специальные главы его работы "Опыты изучения изолированного государства": "Проблема населения в изолированном государстве-острове" и "Трудовое и капиталистическое хозяйство в изолированном государстве-острове".

Проблема признания "социализма в одной стране" задачей Советской власти - и вне упомянутого контекста - имела существенную основу внутри марксистской доктрины и

была производной от доктринально хорошо выясненной марксистами неравномерности капиталистического развития. Эта неравномерность с самого начала стояла в центре теории мировой революции, поскольку она всегда в 1840-1870-х гг. исходила из идеи лидерства в ней западных стран, Англии или Франции, а в 1890-х - Германии. Соответственно вне стран-лидеров осознавалось существование европейских держав меньшего веса и Северной Америки, которое, взятое вместе с лидерами, предопределяло для остального мира статус зависимых стран или колоний, чьей главной характеристикой была их сравнительная отсталость. Единственным исключением из их числа понималась Россия - единственная великая держава среди "не передовых" стран, чей военно-политический вес дополнялся её аграрно-монархической и "синодальной" отсталостью от тех, с кем политически конкурировала Россия. Великими державами Запада ей было бы определено место колонии, если бы не её военно-дипломатический вес. Таким образом, неравномерность капиталистического развития оставляла России перспективы преодоления отсталости в ходе (западной, европейской) мировой революции и для этого предопределяла ей судьбу либо ассистента революционного процесса, либо нового объекта экспорта революции, для старой **французской и фихтевской революционной войны ради свободы и просвещения**, революционной войны, в плане которой силы революционного Запада теперь уничтожали царизм при помощи русских революционеров и устанавливали в России "коммунизм сверху". Гипотетическое отсутствие географической связи между революционным лидером мира (Францией или Германией) и *революционной Россией* обрекало Россию на "временное" самостоятельное поддержание статуса революционной, - в *не революционном окружении* и перед лицом своих не революционных (отсталых) производительных сил и технологического уклада, далёких от тотальной западной индустриализации. Её "временное" одиночество подразумевало и "временное" самостоятельное преодоление отсталости и самозащиту, пока западная революционная война не достигнет её пределов.

Отлично помня, что догма марксизма отнюдь не включала Россию (как "оплот реакции" и как "отсталую" страну) в круг стран, где произойдёт мировая революция (реакционная Германия, однако, технологически могла стать "ареной первой великой победы европейского пролетариата"), и включала Россию в число тех, куда будет направлен экспорт революции, старые русские народники и социал-демократы конца XIX века не могли видеть для России иного сценария, кроме соучастия в мировом революционном процессе. Но русские большевики начала XX века были рождены новым мессианским пафосом В.И.Ленина, который был экспрессивно выражен в его ставшей очень популярной брошюре "Что делать?" (1902):

"История поставила теперь перед нами [русскими революционерами - М.К.] ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции [царской России - М.К.], сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата..."

Поэтому падение самодержавия, царской России и Российской империи (как - в изображении западных критиков, в том числе, Маркса и Энгельса - *реакционной* державы, **ради ликвидации которой им и нужна была революция в России, которая стала бы частью революционной войны социал-демократов Германии**) в феврале-марте 1917 года открыло самую главную перспективу в доктринальном сознании русских большевиков - перспективу участия в мировой революции. В отличие от русских марксистов вообще, которые, следуя западной традиции русской мысли и *экономической* догме марксизма, более всего желали для России западного пути (последовательно)

либерализма, социализма и мировой революции как нового качественного скачка, основанного на высшем уровне промышленного и технологического развития, русские большевики, видимо, следовали именно *политическому* наследию Маркса и Энгельса. В политическом наследии Маркса и Энгельса - в том, что в нём прямо касалось России, - в течение полувека, с 1840-х по 1890-е годы, было многократно, резко, настойчиво сформулировано, что главный враг революции в Европе - царская Россия, главное препятствие на пути победоносной социалистической революции - русский царизм. Выступив в 1914 году за поражение русского царизма и России в целом в войне против Германии, русские большевики строго следовали именно этим заветам. В феврале-марте 1917 года они с полным доктринальным основанием могли полагать, что чем дальше и больше дойдёт разрушение России как "оплота реакции", тем ближе будет завещанная мировая (европейская) революция. Этой особой роли России Маркс, Энгельс, оставаясь немецкими патриотами, и большевики, будучи крайними интернационалистами, отвели исторически краткую, отдельную инструментальную роль. Но эта роль ещё до революций 1917 года была для России историческим фактором, даже если была просто фактом догматического сознания.

Но когда мировая революция не наступила ни в 1917-м, ни в 1918-м, ни в 1919-м, ни в 1920-м году, большевикам настал момент определиться. Большевики - исходя из практического здравого смысла, - не могли стать в один ряд с империалистами или лимитрофами, но явно ощущали совпадение своих антиимпериалистических интересов с колониями, в которых шла или должна была идти освободительная борьба. И в таком контексте мировая революция уже не могла быть мировой революцией Запада (как по умолчанию считалось во времена Маркса и Энгельса), но - по плану большевиков - должна была стать мировой национально-освободительной борьбой колониального Востока против империалистического Запада, в которой Советской России принадлежала бы роль не только авангарда, но и роль донора, вождя и технологического лидера Востока - пока на Западе не началась пролетарская революция. Вторичность СССР в этом замысле, вновь подчиняющем его перспективам революционного Запада, была велика, сколь бы идеолог большевиков Н.И.Бухарин в 1923 г. ни пытался скомпоновать теоретический союз и сказать, что "западноевропейский пролетариат и русский пролетариат имеют в восточных колониях гигантскую резервную революционную пехоту, которую надо втягивать в бой". Промежуточные сценарии мировой революции, в которых СССР отводилась роль не только авангарда Красного Востока, но и медиатора между *реальной* национально-освободительной борьбой колониального Востока и *гипотетическими* социалистическими революциями Запада, в советской риторике не прижились и скоро оставили СССР наедине с Востоком, отводя коммунистическим представителям Запада подчинённую роль.

Роль *революционной* державы против великих империалистических держав была Советской России не по ресурсам и потому первой задачей в мировой борьбе становилась задача создания государственности, равно независимой, изолированной и от колониальной экономической перспективы, и от гибели в военно-политической конкуренции держав. В центре внешнеполитической идеологии большевиков, таким образом, стояла не борьба за всемирный коммунизм, а борьба против империализма.

Уже после того, как Ленин на VII съезде партии большевиков 7 марта 1918 года, обсуждавшем Брестский мир с наступающей Германией, настойчиво заявил, что сама революция в России - лишь "толчок" к мировой революции, без её достаточной "подготовки", с расчётом на внешнюю коммунистическую интервенцию, "революционную войну", многим (кто не считал революцию чистой авантюрой) была ясна не только подчинённость, но и изолированность России от европейского процесса. Иначе бы и речи не было о преодолевающей эту изолированность "революционной войне".

Бессильная на Западе, в борьбе с Западом, Советская Россия - *рисковавшая стать, в случае поражения, колонией Запада* - поднимала на борьбу колониальный Восток, рассчитывая нанести Западу сначала экономическое и демографическое поражение. В тезисах для Второго конгресса Коммунистического интернационала в августе 1920 г. (принятых им как руководство к действию) Ленин откровенно показывал, как народническое стремление избежать капитализма, то есть убийственной конкуренции, превращается в экспорт революции на Восток, туда, где пролетариата ещё нет, а революционна только национальная буржуазия. А экспорт революции в союзе с ней превращается в (противоречащее классовой догме) признание **ценности национальной государственности**.

Сталин и его единомышленники в деле "строительства социализма в одной стране", выбирая догматическую санкцию своей доктрине именно в трудах Ленина и понимая актуальные в начале 1920-х гг. политические ограничения этой санкции, *запрещавшие* вновь утверждать вторичность, отсталость, зависимость социалистических перспектив России от мировой революции на Западе, в итоге нашли у Ленина *только одно положение*, удовлетворяющее столь рафинированным требованиям. В 1915 году Ленин такую санкцию дал (правда гораздо менее настойчиво, чем он же в 1917-1918 гг. говорил об обязательности мировой революции для выживания революции в России), повторил за марксистскими классиками самоочевидную истину о том, что страны в мире развиваются неравномерно, и далее нарисовал картину не столько коммунистического строительства, сколько нового общемирового милитаризма, в котором **национальный масштаб социалистических государств**, несмотря на мировую революцию, - длительная норма, что их мировое объединение на пути к коммунизму невозможно без революционных войн, принуждающих к этому объединению.

Споря с белыми противниками большевиков и указывая на их прямую зависимость от империалистов и интервентов, Сталин агитационно, риторически и вполне доктринально, Сталин также нащупывал **"национализацию" революции, национально-освободительную коалицию Советской России** с колониальным Востоком, которая была бы невозможна без идеологии национальной независимости (далее выделено мной):

"Победа Деникина - Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина - Колчака есть самое антинародное, самое антинациональное правительство. В этом смысле Советское правительство есть **единственно народное и единственно национальное** в лучшем смысле этого слова правительство, ибо оно несёт с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и **освобождение всей России от ига мирового империализма**, превращение России **из колонии в самостоятельную свободную страну**. (...) Еще в начале Октябрьского переворота наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контрреволюцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами - Москва и Петроград,- с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, - превратилась в базу революции. Краины же России, главным образом южная и восточная краины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны,- превратились в базу контрреволюции.

(...) Для успеха войск, действующих в эпоху ожесточённой гражданской войны, абсолютно необходимо единство, спаянность той живой людской среды, элементами которой питаются и соками которой поддерживают себя эти войска, причём **единство это может быть национальным (особенно в начале гражданской войны)** или классовым (особенно при развитой гражданской войне). Без такого единства немыслимы длительные военные успехи. Но в том-то и дело, что окраины России (восточная и южная) не представляют и не могут представлять для войск Деникина и Колчака ни в национальном, ни в классовом отношении даже того минимума **единства живой среды, без которого (как я говорил выше) невозможна серьёзная победа**".

Позже, даже утверждая приоритет мировой революции, а именно - коммунистической революции в Германии - что не уставали делать и Троцкий, и Сталин со сталинцами, с годами они одинаково сместили акцент с роли Советской России как подчинённого и начального звена мировой революции - на роль СССР как оплота и руководящего её центра. Постепенное сближение большевиков с реальностью «изолированного государства» шло по пути осознания ими России / СССР как независимого государства даже внутри мирового коммунистического проекта, - борющегося против империализма, против колониализма. К услугам осознания была и ещё дореволюционная формула Ленина о том фронте, где теперь хотели лидировать русские большевики, - там, где "неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т. е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и созревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма".

Это с самых первых революционных деклараций правящих большевиков 1917-1918 гг. неизбежно, в силу риторической логики, сближало *бывшую империю / великую державу* с колониальными странами, в которых начались **национально-освободительные движения**, особенно с Индией и Китаем, чьё прогрессивное развитие предполагало сначала достижение или защиту независимости от капиталистических колонизаторов, а уже затем – интеграцию в Коммунистический интернационал. Такое сближение *изначально* существенно уточняло и идентификацию СССР, развивая его образ в сторону от периферии капиталистического мира – к самостоятельному центру и лидеру некапиталистического большинства.

Общее убеждение большевиков в особой роли Советской России в управлении противоречиями между капиталистическим, империалистическим Западом и колониальным, некапиталистическим Востоком ради коммунистической (и вовсе не только коммунистической) перспективы, для марксистов начала XX века больше напоминало немецкие представления о роли Германии как лидера «Срединной Европы» между Западом и «жизненным пространством» Востока, нежели маргинальную, уничтоженную временем, архаичную доктрину православного «Третьего Рима». Это убеждение развивалось параллельно с «суверенизацией» той части мировой революции, что была очерчена границами СССР. Если в первые дни революции Сталин начинал свою антиколониальную агитацию с клише «С Востока свет!», то далее изобретательнее утверждал, что СССР «между Западом и Востоком... одним своим существованием революционизирует весь мир».

Самым реалистичным здесь было ожидание неперенной и близкой индустриализации деревни, которая не могла не начаться с её пролетаризации. Самым оригинальным - включение в сферу мировой ответственности СССР управления национально-освободительными движениями не только в интересах борьбы против колониализма, но и в интересах преодоления *отсталости вообще*. Так не в первый раз осознание технологической и социальной **отсталости СССР** придавало оттенок **национального освобождения** пафосу большевиков.

От "свободы торговли" к протекционизму

У каждого исторического выбора есть свой образ и даже идеологический символ. Перед сознанием правящих в *оказавшейся отдельной стране* большевиков - хотели они это видеть или нет - стоял ряд исторических семантических образов, которые весь XIX век и в первой половине XX века были значимы для русской политической мысли и формировали идейно-семантический ландшафт, на пространстве которого равно действовали власть и её противники.

Революционная мысль большевиков была обязана найти в своём наследстве то, что позволяло ей доктринально описать новую для неё реальность и выйти из-под обязательной мировой, внешней легитимации своего социализма. И в этом у неё просто не было альтернативы углублению в собственный идейно-исторический багаж. Пространство прямых идейно-политических заимствований в советской современности 1920-х годов было политически ограничено, идейная беспринципность запрещена. Но внутренняя, семантическая и образная глубина революционной истории и недавнего индустриального контекста, впитанного с азбукой, пожалуй, наиболее динамичной в том мире, марксистской школы, была огромна и вполне искупала демонстративный примитив правящей диктатуры. Весь европейский XIX век и его живые следы в XX веке были значимы для русской политической мысли и формировали её идейно-семантический ландшафт, поскольку публицистика Маркса, Энгельса, Ленина затронула огромный спектр политических событий. В них развивалась общая европейская история, предопределяя язык большевистской власти на каждом этапе её эволюции.

Как сказано, главный вопрос о выборе пути развития России к социализму был представлен славянофильски-народнической по происхождению дилеммой: **сможет ли Россия избежать капитализма?** А ответ на него звучал на языке Маркса и протекционистского учения Ф.Листа: **хватит ли России собственного рынка для органического развития промышленного капитализма?** Если хватит - не избежит, если не хватит, то социалистическая по сути сельская община останется неприкосновенной - и будет лишь ждать, когда грядущий европейский промышленный коммунизм протянет России братскую руку коммунистической помощи.

В обиход русской политической мысли наследие Фридриха Листа (1789-1846), и прежде хорошо известное русским экономистам, было введено в 1880-е гг. восходящей звездой русской индустриализации С.Ю.Витте (1849-1915) как доктрина протекционизма и стратегия развития национальной промышленности в опоре на собственные силы. Это должно было обеспечить стране новую экономическую основу для политической независимости перед лицом мирового промышленного и торгового лидерства Британской империи, долго остававшегося вне конкуренции и обоснованного доктриной "свободы торговли". Это совпало с интенсивным освоением в России учения Карла Маркса, в том числе, тех страниц его "Капитала", где было описано, как в образцовой капиталистической Великобритании происходило "первоначальное накопление (капитала)" - с изображением крайней пролетаризации мелких собственников.

Учение Ф.Листа о самодостаточности промышленного развития Германии в тени всемирной монополии Британской империи ставило проблему принципиальной достаточности внутреннего рынка Германии, который бы обеспечивал достаточно большой и растущий спрос на продукцию внутренней промышленности. Здесь внешне отрицаемым примером служила Англия - как народное хозяйство, давшее достаточный внутренний старт для промышленности, которая затем смогла завоевать весь мир. Именно этот внутренний рынок и внутренний стартовый капитал и исследовал Маркс в своём учении о "первоначальном накоплении". Английский образец требовал колоний для сбыта товаров промышленности, протекционизм Листа требовал таможенного объединения германских земель для обеспечения германской промышленности большого внутреннего рынка (за которым должны были последовать колонии или экономически зависимые территории, прежде всего, на Востоке).

Проблема ограниченного масштаба народного хозяйства и узости внутреннего рынка отдельной страны для развития собственного, а не импортированного, не *колониального*, капитализма была прямым выводом из истории британского образца. За этим применением вставала очевидная конкуренция великих держав и угроза колониальной зависимости. Германия, уничтоженная Наполеоном (который первым испытал на прочность самодостаточность экономики Англии, введя против неё "континентальную блокаду"), устами великого немецкого мыслителя И.Г.Фихте (1762-1814) формулировала принципы национального возрождения и объединения, а трудами Листа - принципы экономической консолидации, возрождения и независимости, применённые в Германии Бисмарк и в Америке. Культурный национализм и прагматический протекционизм стали инструментами национальной государственности. Для России XIX века эти **инструменты национального возрождения** в целом остались недоступными: "национализация" (превращение в национальное государство) империи было нейтрализовано и реальной этнографической сложностью России, вступившей в период этнического строительства, и общенациональным (а не племенным) характером русского народа, и вселенской проповедью православия, и провалом панславистской политики, и антироссийским проектом восстановления независимости именно национальной и *экономически самодостаточной* Польши.

Русские практики и теоретики были поставлены перед (долгое время не осознаваемой) дилеммой: либо колониальные рынки и разорительные войны за эти рынки, либо превращение собственно России в огромный континентальный рынок - по аналогии с Германией и США (САСШ). Русские социалисты марксистского образца приложили экстраординарные усилия к догматическому доказательству того, что пролетаризация крестьянства и рост городов сами по себе создают внутренний рынок, достаточный для развития капитализма. Протекционизм Листа и континентальный образец Америки, безусловно, были важны как пример, но оставались на втором плане этих важных интеллектуальных усилий. Всё вместе это звучало как открытая поддержка марксистами государственной политики индустриализации, лицом которой был министр финансов Витте. В тени этой индустриализации был суровый монетаристский проект министра финансов И.А.Вышнеградского (1831-1895, министр в 1887-1892) и его заместителя Витте, запомнившийся под именем "*не доедем, но вывезем*". Это был проект переноса центра тяжести фискальных доходов государства, ради повышения которых оно было вынуждено "торговать" своим внутренним рынком для иноземного товара, облегчая таможенные пошлины и подавляя собственную промышленность, в сферу "золотого стандарта" для рубля, который уже не конфликтовал с промышленным протекционизмом. Но для этого государство вынуждено было сделать ставку на масштабный экспорт хлеба, укреплявший "золотой стандарт", изымая (рыночными методами) прибавочный продукт сельского хозяйства и подавляя его собственные ресурсы для развития. Это делало

русскую деревню крайне уязвимой для неурожая и голода, которой отнюдь не могла противостоять "социалистическая" община.

На этом фоне страшная моральная и общественная угроза неизбежности "первоначального накопления" в России, жестоко проиллюстрированная массовым голодом 1891-1892 гг., становилась *инструментальной, управляемой и теоретически легитимной*. Это стало тем более легитимным сценарием индустриализации и строительства капитализма, что развивался он одновременно с подобным же сценарием для Италии, Швеции, Австро-Венгрии. А они не знали названных теоретических ограничений *достаточности внутреннего рынка*. Получалось, что для индустриализации России, то есть для первоначального накопления капитала, необходима предварительная пролетаризация крестьянства, по своему масштабу равная социальной революции. Массовое отделение крестьянства от земли делало его источником массового городского пролетариата (который - при всей своей нищете - и составлял тот огромный внутренний рынок для простейшей продукции местной промышленности) и освобождало для концентрации ("мобилизации") свободную земельную собственность и связанный с ней капитал, который подлежал перераспределению. Цена этого перераспределения была уже хорошо известна науке. Описывая названный процесс, один из двух первых (наряду с Ю.Г.Жуковским) русских исследователей экономической доктрины Маркса Н.И.Зибер (1844-1888) привёл в пример британскую Ирландию, где в результате агрессивного развития британского капитализма с 1841 по 1866 гг. население сократилось на треть.

Признание Британской империи лидером и образцом экономического и политического прогресса, вслед за которым выстраивался ряд "догоняющих" этот прогресс государств, к концу XIX века сменилось признанием успеха тех, кто конкурировал с этим *мировым образцом*, опираясь на (идеологически) континентальное, самодостаточное, самозамкнутое и изолированное, *отдельное народное хозяйство* Германии и США (САСШ). *Неравномерность индустриализации* и развития капитализма создавала неизбежность *индустриализации в одной стране*, если она обладала достаточными для этого естественными ресурсами.

В своей одной из дебютных книг, популярных в нелегальном чтении революционеров, отец русского политического марксизма Г.В.Плеханов (1856-1918) впервые сформулировал ответ народнической критике на поставленную ею для России проблему достаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России. Из самой постановки этой проблемы следовало два одновременных и конфликтующих (умозрительных) вывода: что Россия имеет шанс дождаться установления коммунизма в Западной Европе и приберечь для этого не затронутую капитализмом и промышленностью *почти-коммунистическую* сельскую общину - и что, несмотря на подавляющую экономическую конкуренцию Запада, Россия имеет шанс сохранить своё народное хозяйство изолированным от западного капиталистического влияния.

Уже к началу 1900-х гг. славянофильски-народнические надежды на то, что основой для социализма в России станет сельская община, были уничтожены научной критикой русских марксистов. Неонародники быстро перешли на язык марксистской экономической теории и ответили аграрной программе о коллективизации крестьянства хорошо продуманной теорией "трудового крестьянского хозяйства" (фермерства, что Лениным было названо "американским" путём аграрного развития). Эта теория в наибольшей степени отвечала надеждам крестьянского большинства на "чёрный передел" - раздел феодальной земельной собственности между крестьянами. В 1917-1918 гг., борясь за власть, большевики приняли в качестве программы народнический лозунг "земля - крестьянам" и вступили в правящую коалицию с неонародниками (левыми эсерами). В начале 1920-х большевики уничтожили легальные политические организации эсеров и

меньшевиков, согласившись с насыщением их кадрами сельской кооперации, наркоматов земледелия и финансов, Госплана и Высшего совета народного хозяйства, которые определяли практические приоритеты экономического строительства. Но массовая принудительная коллективизация и мобилизационная индустриализация, в главном проведённые в СССР в конце 1920-х - начале 1930-х гг., стали новой социальной революцией, которая уничтожила результаты "чёрного передела" в интересах огосударствленных колхозов и выбросила на рынок индустриального труда миллионы обнищавших крестьян. Это породило уверенность власти в том, что новая социальная реальность неизбежно будет использована народнической оппозицией внизу и во власти. Бывшие народнические и меньшевистские кадры экономических ведомств были подвергнуты тотальной чистке.

Готовя унификацию идеологии ВКП(б) в едином курсе истории большевистской партии, ЦК ВКП(б) 13 июня 1935 приняло постановление "О пропагандистской работе в ближайшее время", в котором отныне предписало считать народническое наследие враждебным и альтернативным марксизму: "Необходимо добиться, чтобы члены партии усвоили, что марксизм-ленинизм вырос, окреп и победил прежде всего в борьбе со старыми народниками, а потом в борьбе с меньшевиками и эсерами".

Эта примитивная схема породила историографический миф о народнической альтернативе марксизму и умолчание о том, что именно *поставленная народниками в категориях марксистской политической экономии* проблема внутреннего рынка для развития индустрии стала центральной в строительстве "социализма в одной стране". Споря с народниками задолго до осознания **проблемы одиночества революционной России** в мировой коммунистической революции, до идейной эволюции от "слабого звена" в системе капитализма до строительства "**социализма в одной стране**" во враждебном окружении, в предисловии к своей монографии «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899) В.И. Ленин уже в проблеме *самодостаточного* внутреннего рынка для капитализма открыл прямой путь к проблеме изолированной экономики и государства. Он писал: "мы берём здесь вопрос о развитии капитализма в России исключительно с точки зрения внутреннего рынка, оставляя в стороне вопрос о внешнем рынке и данные о внешней торговле". Семантика *самодостаточности* России всегда была востребована, когда перед её властью вставала задача управления *страной и народным хозяйством* – с их сложившимися географической, ресурсной и военной судьбой, с традиционными внешними угрозами её существованию.

В интернациональном языке, на котором говорила русская мысль, семантически доминировали революционная Франция, либерально-индустриальная Англия, национально-освободительные Испания и Италия, государственно-интеллектуальная Германия. Следует вспомнить, в каком описании представлялась в России борьба немецкого общества за объединение Германии, обнаруживая прямую связь этого национального строительства с экономической доктриной протекционизма. Основой для соединения военной и экономической защиты национальных интересов стал опыт нашествия Наполеона Бонапарта, которое уничтожило Священную Римскую империю германской нации и подчинило немецкие государства Франции. Именно Пруссия, независимость которой была уничтожена Наполеоном, дала наиболее мощную формулу национального строительства в тени империй. И.Г. Фихте ещё в 1800 году выступил с принципиальным трактатом «Замкнутое торговое государство», а в 1808 году заключил свои известные программные революционно-патриотические «Речи к немецкой нации», с которыми он, смертельно рискуя, выступил в условиях наполеоновской оккупации, напоминая:

«Почти десятилетие назад, когда ещё никто не мог предвидеть, что потом произойдёт, немцам был дан совет – сделать себя независимыми от мировой торговли и замкнуться в качестве торгового государства... все эти завиральные учения о мировой торговле и производстве для мира годятся для иностранцев и принадлежат как раз к их оружию, с помощью которого они с давних пор воюют с нами...».

Этот призыв Фихте, конечно, не так много значил для революционной традиции XIX века по сравнению с его же призывом к национальному освобождению и национальному объединению Германии, не так много давал и для подтверждения расхожей тогдашней схемы о том, что если Кант - либерал, то Фихте - социалист, но этот призыв неизменно присутствовал в практическом программировании политической власти над контролируемым ею народным хозяйством, в понимании того, что неравенство и конкуренция государств неизбежно ставит проблему достижения государственной субъектности. Важной была именно тесная связь философского идеализма Фихте с практическими задачами политической борьбы.

Тем не менее, государство в России - вплоть до царствования Александра III (1881-1894) - в целом исходило из принципов "свободы торговли", применяя меры таможенного протекционизма, прежде всего, ради повышения государственных доходов (особенно в годы финансовых кризисов, связанных с экстраординарными расходами казны в годы Крымской войны (1853-1856) и русско-турецкой войны (1877-1878), а не для защиты отечественной промышленности, идеология которой чаще всего проигрывала идеологии конкуренции, исходящей из "свободы торговли". Конкуренции, надо сказать, совершенно уничтожающей и суверенную транспортную инфраструктуру внешней торговли, и собственную перерабатывающую промышленность России вне простой добычи природных ресурсов. И власть, и наука, и политическая оппозиция в России так и не смогли полностью избавиться от монопольного британского экономического образца даже тогда, когда эта британская монополия "свободы торговли" была уже уничтожена протекционизмом Германии и США (САСШ).

В XIX веке Россия, совершенно независимо от политических приоритетов конкретных царствований, их внутренней политики и абсолютно независимо от внешнеполитических и военных поражений, особенно во время царствования Николая I, особенно в период реакционного так называемого "мрачного семилетия" 1848-1855 гг. продемонстрировала свою особую зависимость от британского стандарта "свободы торговли" и шаг за шагом наращивала соответствие своей внешнеэкономической политики её либеральным, космополитическим и колониальным образцам. Включение с 1851 года - на чрезвычайно льготных для Русской Польши - её в общую таможенную и пограничную территорию Российской империи привело к тому, что особо льготное развитие польской промышленности за счёт общероссийского рынка в перспективе послужило ускоренному и усиленному развитию польской национальной буржуазии и пролетариата, что стало новой фундаментальной основой для польских национализма и независимой государственности.

При этом в самой России 1850-1860-х гг. "ни земства, ни дворянство, ни сельскохозяйственные общества, ни другие организации почти никогда не выступали защитниками свободы торговли. Доминирующее влияние принадлежит самому государству, которое, как самодовлеющее учреждение, стремилось извлекать из таможенных пошлин наибольший доход". Погружение общественной мысли и правительственной экономической политики России в глубины "свободной торговли" шло *в целом независимо не только от Крымской войны (и вызванной ею финансовой катастрофы, бюджетного дефицита и высокой инфляции), но и от Великих реформ 1860-х*

- 1870-х гг. - при не принципиальных протекционистских поправках - при всех министрах финансов империи в 1850-х - 1880-х годах.

Одновременные этим событиям быстрые шаги Германии к национальному политическому объединению и промышленному прогрессу показали, что есть практическая альтернатива британской "свободе торговли" - политика государственного экономического строительства, основанная на философии изолированного государства и протекционизма. Победа Пруссии над Францией в 1871 году дала этой германской альтернативе - последнее, чего ей не хватало: огромный единовременный, централизованный и бесплатный капитал контрибуции за проигранную Францией войну (примечательно, что это поражение страны, породив многочисленные историко-психологические последствия, всё же не заставило французов формулировать свою "отсталость" как историческую проблему). Известный американский экономист, один первых либертарианцев Генри Джордж (1839-1897) в 1886 году вынужден был признать: "Протекционизм торжествует повсюду... Из великих наций одна Англия сорок лет назад перешла к системе свободной торговли. Наоборот, британские колонии сейчас же оградилась тарифами, как только получили самоуправление. О всех других народах нечего и говорить нечего и говорить. Фритредерам нечего обольщаться", - цитировал Г.Джорджа русский критик протекционизма.

Опоздание России с проведением политики последовательного протекционизма вплоть до середины - конца 1880-х гг. лишило её возможностей целой исторической эпохи, начиная с 1850 года, когда власть отказалась от протекционизма как раз в момент перехода от мануфактурного производства к фабричному и заводскому. Но к началу XX века уже ничто не могло помешать разительным успехам системы индустриализации России, построенной благодаря подготовленному по решению императора Александра III министром финансов И.А.Вышнеградским и реализованному товарищем министра финансов С.Ю.Витте (министр в 1892-1903) тарифу 1891 года и протекционистски выращенной на его основе экономике собственного чугуна и угля. Широко признанный, в том числе русскими марксистами, немецкий специалист по русской экономике Г.Шульце-Геверниц (1864-1943) говорил о тарифе 1891 года, что он "превосходит всё, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны. (...) Тариф 1891 года... создал прочную таможенную стену, ограждавшую промышленность от иностранной конкуренции, обеспечившую промышленникам крупную норму прибыли, - эту самую главную приманку для притока в промышленность как отечественных, так и иностранных капиталов". Авторитетный для правящих большевиков автор уже при советской власти на части территории России прямо подтверждал: "Таможенная охрана нашего производства путём усиленного обложения сырья, полуфабрикатов и изделий, являлась основным мотивом нашей экономической политики с 1890-х годов. Все задачи развития промышленности решались главнейше этим орудием экономической политики, которому приписывалась значительно большая универсальность и действительность, чем это было фактически. Тариф 1891 г. вызвал, в связи с железнодорожным строительством, значительное развитие нашей металлургии, горного дела и металлообрабатывающей промышленности". Даже кризис 1899-1900 гг. не привёл к отказу от этой основы народного хозяйства, сближая Россию с "догоняющей" самодостаточной экономикой другой страны-континента - США.

Важно специально проанализировать также *историческое, фактическое качество* догмы (и постоянных к ней апелляций Троцкого) о приоритетности (если не абсолютной ценности) "международного разделения труда" как фактора мировой (глобальной) экономики и обязательного условия мировой революции и (мирового же) социализма. Некритическое повторение этой догмы на всех этапах марксистской мысли сделало обязательным представлением о едва ли не автоматическом и линейном развитии этого

разделения труда как всеподавляющего прогресса, о котором протекционисты разных политических убеждений вынуждены были молчать, даже не соглашаясь, ибо достаточных данных тогда, чтобы опровергнуть эту догму, ещё не существовало. Но правда и в том, что эту догму никто из её догматиков так и не проверял на фактическом материале, ограничиваясь повторением. В центре догмы стоял, конечно, старый образ мирового господства свободы торговли, а затем - новый образ империализма и империалистической конкуренции, в мясорубке которой, казалось, не было места не только слабым, но и самодостаточным. Выдающийся русский историк-марксист и востоковед М.Павлович (М.Л.Вельтман, 1871-1927) широкими мазками рисовал общую картину этого мира накануне Первой мировой войны: "Прообразом либерализма была европейская Англия. Прообразом империализма служит мировая Британская империя, в которой сотни миллионов подвластны одной господствующей нации, а на самом деле - господствующим классам этой нации". Современные исследователи Яри Элоранта и Марк Харрисон так резюмируют этот цивилизационный расизм: "В начале XX в. все великие державы считали колониальную империю абсолютно законной целью национальных устремлений". И если можно с уверенностью заключить, что мобилизационная и военная мощь великих держав в целом была достаточной для поддержания системы *глобального колониального милитаризма*, то второй важнейший фактор *индустриально-ресурсной глобализации* того времени как основы *международного разделения труда* - **империалистический финансовый капитал переживал серьёзный кризис.**

Как и в иных случаях, ещё до начала публичной полемики троцкистов и сталинистов государственное издательство в СССР выпустило в свет перевод крайне уместного в её контексте труда авторитетного австрийского марксиста, первого канцлера Австрии Карла Реннера (1870-1950), который без особых усилий отмёл столь интенсивно навязываемый Троцким фактор мирового хозяйства как непрерываемого условия развития. Прежде всего, К.Реннер **уже тогда, внутри актуальных событий** попросту показал его мифологичность: **«Мировое хозяйство разлагается на антагонистические национальные хозяйства.** Социалистические вожди ещё не подвергли разработке этого факта с привлечением для этого всего необходимого багажа... Мировая война была лишь одной фазой, правда решающей, этого процесса, а выходом из этого процесса может быть лишь создание наряду с хозяйственным интернационалом и политического интернационала мирового государства, властвующего над мировым рынком».

Разделение труда в целом развивалось между двумя полюсами, которые можно назвать так: *бедный мир с его избытком трудовых и природных ресурсов* (к нему надо отнести и Россию) и *богатый мир с его избытком капитала и дефицитом природных ресурсов.* Историки экономики Джоан Р.Роузес и Николаус Вольф авторитетно заключают (и я верю, что эту тенденцию и современники могли бы при желании заметить "изнутри истории"): в мировых отношениях ресурсов и капитала **фактом первой половины XX века был рост взаимного протекционизма, "фрагментация рынков труда и капитала"** и, добавлю, превращение труда в предмет массового экспорта из бедных стран в богатые. Вероятно, главный советский внешнеэкономический и внешнеполитический аналитик, бывший австро-венгерский профессор экономики, нарком финансов и глава ВСНХ Венгерской советской республики Е.С.Варга (1879-1964) уже после изгнания Троцкого из СССР - с полным знанием дела разрушал доктринальное здание его "мирового разделения труда", не рискуя быть фактически опровергнутым даже заочно. Он профессионально описывал то, что видел в мире вокруг СССР в 1910-1930-е гг. (и что не могло не признаваться в СССР технологическим ориентиром), и то, что Троцкий в своей риторике наивно описывал как благое международное разделение труда, в которое должен встроиться СССР - "систематическое организационное переключение хозяйства на работу для войны", происходившее во всех европейских государствах:

"каждое государство стремится к тому, чтобы в возможно большей степени производить наиболее необходимые для войны жизненные припасы, сырьё и предметы вооружения у себя же в стране. (...) Каждое маленькое государство стремится создать у себя в стране известный минимум тяжёлой промышленности, производства оружия, искусственного шёлка, чтобы в случае войны не зависеть всецело от ввоза из-за границы. (...) В результате мы имеем **тенденцию к прекращению разделения труда в мировом хозяйстве**".

Современные исследователи суммируют сведения науки о том, что в 1914-1950 гг. произошла **дезинтеграция мировой торговли**, массовое и быстрое усиление протекционизма в сельском хозяйстве и промышленности в Болгарии, Чехословакии, Германии, Венгрии, Италии, Румынии, Испании, Швейцарии, Югославии. Ясно, что вся эта реальность - *которую не видеть было нельзя* - была категорически против "мировой" риторики Троцкого и фактически обрекала руководимую им страну на судьбу ресурсной колонии империализма - и она, колония, может быть, даже придала бы ряду колониальных империй ещё по несколько десятилетий жизни без деколонизации.

Протекционизм

В середине XIX века Россия, подобно Пруссии начала XIX века, столкнулась с тяжёлым военно-стратегическим поражением от коалиции во главе с мировым лидером - Британской империей. И также столкнулась с необходимостью сравнить собственные военно-промышленные и инфраструктурные ресурсы, степень их развитости, с ресурсами противников, которые, всё по тому же "совпадению", являли собой признанные исторические образцы развития и цивилизованности. Это поражение не могло не актуализировать германский пример.

Поражение, нанесённое Англией и Францией России в Крымской войне - на её собственной территории России - логично ложилось в перспективу её вероятного колониального подчинения. Это же поражение должно было стать и главным, грубым и наглядным, фактором обнаружения того простого обстоятельства, что даже добровольное участие страны в британской системе "свободы торговли" отнюдь не гарантирует её от военно-политического диктата Британской империи. Столь унижительное *отрицательное обнаружение суверенитета* России как жертвы колониальной экспансии обрекало её либо на стратегическую капитуляцию, либо на создание промышленной основы военного суверенитета и, следовательно, отказа от "свободы торговли" в пользу протекционизма. Энгельс внятно излагал суть этого выбора, в котором прозрачно виделись индийский промышленный шаблон и индийская колониальная альтернатива:

"Россия в 1892 г. не могла бы существовать как чисто сельскохозяйственная страна, её сельскохозяйственное производство должно быть дополнено производством промышленным. (...) В тот день, когда Россия ввела у себя железные дороги, введение этих современных средств производства было предрешено. Вы *должны* быть в состоянии ремонтировать ваши собственные паровозы, вагоны, железные дороги, а это можно сделать дешево только в том случае, если вы в состоянии строить у себя в стране все то, что вы намереваетесь ремонтировать. (...) В таком случае с этой точки зрения и вопрос о протекционизме становится только вопросом степени, а не принципа; самый же принцип был неизбежен. И еще в одном можно не сомневаться: если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: в капиталистической форме. (...) Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии,

Америке. (...) русским надо было решить - будет ли их домашняя промышленность уничтожена их собственной крупной промышленностью, или это будет совершенно путем ввоза английских товаров. При протекционизме это сделают русские, без протекционизма - англичане. Мне все это кажется совершенно очевидным".

Радикальные критики России - и особенно во время Крымской войны - Маркс и Энгельс к тому времени уже подробно рассмотрели проблемы *отсталости* на примере немецких земель, которые с начала XIX века вели борьбу за преодоление исторического поражения. В этом мире Россия и германские земли были равны. Для своей же тогда ещё не объединённой родины, Германии - в её собственной борьбе против экономической отсталости в тени доминирования Англии - Маркс и Энгельс уже в 1840-х гг. с небольшими, преимущественно риторическими оговорками, выступали за протекционизм как инструмент суверенного промышленного развития. Ещё в так называемых "Эльберфельдских речах" молодой Энгельс, апеллируя к авторитету главного проповедника германского протекционизма Ф.Листа и позже признавая, что "Лист является самым лучшим из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература", пропагандировал принцип "золотой середины" между свободой торговли и протекционизмом, при том что вред крайностей первой видел преимущественно в актуальности, а вред крайностей второго - преимущественно в будущем, когда его польза окажется исчерпанной. В этих признаниях молодого Энгельса звучит вполне ясное противопоставление практических интересов национального (народного) хозяйства и интернационального экономического и, следовательно, социально-политического прогресса, капиталистического (индустриального) развития как приоритета национальной экономики - и коммунистической перспективы как результата мировой революции.

В середине 1920-х гг. бывший социалист-революционер, помощник главы Временного правительства А.Ф.Керенского, известный советский экономист, директор Конъюнктурного института при Наркомате финансов РСФСР/СССР Н.Д.Кондратьев (1892-1938), считающийся в историографии оппонентом сталинской аграрной политики, верно обнаружил в самом факте определения Энгельсом границ позитивного действия протекционизма проблему *принципиальной применимости протекционизма к стратегии развития народного хозяйства* в целом, то есть **первый очерк проблемы достаточности (крестьянского) внутреннего рынка для развития капитализма**, в чём состоял центр полемики народников против марксистов в 1890-е гг. Марксисты, говорившие о достаточности этого рынка, одержали победу в позитивной оценке перспектив капитализма в России и, подразумевалось, в оценке перспектив социализма в стране. Комментируя Эльберфельдские речи Энгельса, Н.Д.Кондратьев писал, что Энгельс, "допуская, что под влиянием протекционизма промышленность подымается, полагал, что этот подъём продолжится лишь до того времени, пока он не исчерпает ёмкости внутреннего рынка... Жизнь показала, что в данном случае прогноз Листа был верен, а Энгельс, подобно нашим народникам, ошибался". В контексте дискуссии в СССР 1920-х годов о строительстве "**социализма в одной стране**" - то есть **сталинской самозамкнутости СССР от троцкистского "международного разделения труда", "социалистического первоначального накопления" за счёт внутренней административной эксплуатации крестьянства** - признание Кондратьевым применимости такого протекционизма и при исчерпании внутреннего рынка звучало как признание верности стратегии "изолированного государства" Сталина.

Убеждение Энгельса и Маркса в том, что именно протекционизм создаёт (в Германии) крупную промышленность, получило непрерывное развитие в их работах 1840-х годов. В свою очередь, история марксистского прогноза о шансах капиталистического развития России имела в своём распоряжении прямо высказанные основателями политического

коммунизма уже упомянутые тактические надежды на то, что - *в контексте общемирового и, в первую очередь, западноевропейского развития в сторону коммунизма* - общинная Россия может, сохранив свой патриархальный коллективизм, прямо - *при помощи Запада* - перейти к коммунизму.

Позже в переписке со своим русским корреспондентом, уже квалифицированным марксистом, но политически близким к народничеству, Н.Ф.Даниельсоном (в русской печати под псевдонимом: *Николай -он*) Энгельс предметно проанализировал перспективы общины, промышленности, капитализма и социализма в России в контексте масштабного голода 1891-1892 гг., показавшего экономическую слабость общинного сельского хозяйства, на который Маркс и русские социалисты-народники полагались как на зародыш будущего социализма.

В полемике с Энгельсом Н.Ф.Даниельсон попутно проговорил и подспудное убеждение марксистов-народников (и народников-славянофилов, и правящих славянофилов) в том, что - если государственная власть в России ценой разорения народного, крестьянского большинства навязывает "сверху" крупную капиталистическую промышленность, - то эта же государственная власть может с такой же лёгкой решительностью, буквально верхушечным решением, - уничтожить этот капитализм, открыв путь для свободного саморазвития из общины "народного производства" (социализма). Логика была такова: **если государство без колоний (внешних рынков) ради своего капитализма уничтожает не колониальную, а собственную крестьянскую экономику - и защищает этот капитализм протекционизмом, то этот протекционизм оно может посвятить и созданию в рамках народного (общенационального) хозяйства - замкнутого, изолированного от внешнего капитализма, социализма.** Вот из чего у Даниельсона рождалась недоговорённая до конца доктрина **протекционизма ради изолированного социализма.**

Великий мастер упрощения и дидактики, продиктовавший постсоветской России и Западу XX века основные школьные формулы русской истории, которые раз за разом обнажаются в подкладке многочисленных интерпретаций России и мифов "русской идеи" и "русского ренессанса", Н.А.Бердяев, с юности впитавший в свой исторический язык марксизм и его народническое перерождение в социалистическом идеализме, невольно нащупал потенциал некапиталистического идейного поворота в самой проблеме внутреннего рынка и накопления капитала. Предельно сжимая лозунг народнического сопротивления капитализму, в котором, как известно, ради прекращения пролетаризации в ходе индустриализации, это социалистическое народничество готово было апеллировать даже к славянофильской партии внутри самодержавной власти, Бердяев наткнулся на не произнесённую народничеством проблему накопления капитала. Получалось, что от государства, которое насаждало капитализм, народники требовали достроить общинный коллективизм до общегосударственного социализма, решив (не произнесённую) задачу аккумуляции расплывчатых аграрных ресурсов до масштабов народного хозяйства и тем решить "традиционный для русской мысли XIX века вопрос о том, может ли Россия избежать капиталистического периода развития... в том смысле, что Россия может *сократить до нуля срок капиталистического периода* (курсив мой - М.К.) и прямо перейти от низших форм хозяйства к хозяйству социалистическому. Коммунисты, несмотря на свой марксизм, именно и пытаются сделать".

Так диагностически точно писал Бердяев в 1938 году, когда Сталин - в ходе принудительной и радикальной коллективизации - уже решил эту задачу исторически мгновенного накопления капитала в интересах социализации всего народного хозяйства. Получалось, что государству не только теоретически по силам осуществить этот

антикапиталистический переход прямо от общинного земледелия к общенациональному коллективизму. И если перед постфеодальной автократией было позволительно ставить задачу мобилизации внутренних ресурсов, то ничто не мешало поставить эту задачу и перед коммунистической диктатурой. Бердяев, несомненно, хорошо знал русскую марксистскую классику, в первую очередь - марксистские труды Г.В.Плеханова, широко распространившиеся в России в нелегальных изданиях. В самом первом из них Плеханов спорит с народническими попытками перетолковать перспективы индустриального (то есть капиталистического) развития России, противопоставляя, отделяя предпосылки капитализации, "период капиталистического накопления" от собственно "периода капиталистического производства" (в первом издании было написано: "периода свободной торговли на Западе"), чтобы, видимо, обосновать особый путь России. Из этой терминологически ещё не до конца продуманной эскапады в любом случае следовало убеждение патриарха русского марксизма в том, что *индустриализация и накопление капитала* в интересах индустриализации - *единый и одновременный процесс*, оставляющий простор для *революционной индустриализации и одновременного поиска для неё первоначального капитала*.

Мировая революция без гегемона

К концу XIX века с кандидатурой мирового (европейского) *донора* капитализма и коммунизма, наличие которого, судя по словам Энгельса, было обязательно для перспективы коммунистического развития России (в качестве, как минимум, аграрного придатка), возникли трудности. Гигант Британской колониальной империи сталкивался со всё большей мировой конкуренцией, но вряд ли сулил своим революционным союзникам нечто большее, чем место колонии. "Срединная Европа" Германии ещё не была мировым гигантом и естественным образом выдвигалась в революционные покровители России. Западная Европа 1860-1870-х гг. не оправдала революционных надежд Маркса и Энгельса. Поэтому главным внутри мирового (европейского) социалистического прогресса стал вопрос об истории, взаимоотношении и противоборстве доктрин и практик "свободы торговли" Британской империи и протекционизма Германии.

В течение всего XIX века образ великой державы и путь преодоления отсталости не мыслился без следования британскому индустриальному образцу, которое даже не подвергало сомнению абсолютное политическое и экономическое лидерство Британской империи во главе целого мира её колоний и протекторатов. Пока германские земли были политически раздроблены, России было ещё не столь неудобно в положении государства-ученика и потенциальной жертвы колониального раздела. Но Германия объединилась и вступила в круг великих держав. Надежды Маркса и Энгельса на особый путь России и на превращение монопольного промышленного лидерства Англии в её лидерство революционное и коммунистическое - не оправдались.

И Энгельс терпеливо, настойчиво и подробно выступал с апологией протекционизма и великого потенциала России против антипротекционистской апокалиптики Даниельсона в письме к нему от 18 июня 1892:

"Не подлежит сомнению, что нынешний внезапный рост современной «крупной промышленности» в России был вызван искусственными средствами - запретительными пошлинами, государственными субсидиями и т. п. То же самое имело место во Франции, где запретительная система существовала уже со времен Кольбера, в Испании, в Италии, а с 1878 г. даже в Германии, хотя эта страна почти уже завершила свой промышленный переворот, когда в 1878 г. были введены покровительственные пошлины, чтобы дать возможность капиталистам принудить своих отечественных потребителей платить им такие высокие цены, которые

позволили бы им продавать эти же товары за границей ниже издержек производства. И Америка поступила точно так же, чтобы сократить тот период, в течение которого американские промышленники не будут еще в состоянии на равных условиях конкурировать с Англией. (...) Я рассматриваю всеобщее возвращение к протекционизму не как простую случайность, а как реакцию против невыносимой промышленной монополии Англии".

Надо отдельно подчеркнуть это положение Энгельса о (подразумевается: законной) реакции против индустриальной монополии Англии, которую так долго обслуживали формально всеобщий, универсальный, прогрессивный лозунг и политика "свободы торговли". В тех конкретно-исторических условиях, когда Энгельс, наконец, почти признал законность этой реакции, главными реальными противниками "невыносимой монополии" Англии были именно быстро восходящие экономики Германии и США. Позитивный географический образ собственного индустриального развития России революционеры и контрреволюционеры равно видели в Америке (столь же обширной, населенной и полной ресурсами, как Россия).

В унисон с марксистской доктриной достаточного внутреннего рынка проводя протекционистскую политику обеспечения индустриализации, развивал аналогии между континентальными масштабами России и Северной Америки и Витте: "Раскинутая на обширном пространстве, на сплошной территории, обеспеченная всем необходимым для достижения высшей степени экономического развития, Россия сама представляет единственный по величине рынок сбыта и её международные торговые сношения являются для неё не вопросом существования, а лишь способом естественного и потому мирного обмена излишков. В колониальной политике Россия не нуждается".

Альтернативой такому мифу процветающей *России как Америки* и была угроза превращения отсталой и зависимой России в аналог британских Ирландии и Индии - и её де-факто колониальная эксплуатация. Аналогия с Америкой была важна марксистам для утверждения достаточной ёмкости внутреннего рынка России для развития в ней капитализма, спор о котором в 1890-е гг. породил главные русские марксистские экономические труды того времени, посвященные развитию капитализма как индустрии: «О рынках при капиталистическом производстве» (1897) и «Капитализм и земледелие» (1900) С.Н.Булгакова, «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) М.И.Туган-Барановского, «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899) В.Ильина (В.И.Ульянова-Ленина) (в журнальной полемике к ним присоединился и П.Струве). В той полемике народники, опираясь на Маркса, указывали на бедность крестьянского большинства в населении России и, следовательно, абсолютное сокращение ёмкости внутреннего рынка при индустриализации и сокращение перспектив капитализма. В условиях невозможности для России самой приобрести себе колонии, подобные британским, под вопросом оказывалось само развитие капиталистической промышленности в России. Как мы увидим далее, в полемике о "социалистическом первоначальном накоплении" в СССР, которая отлилась в формулировки "Краткого курса истории ВКП(б)", ясно продолжилась эта полемика о внутреннем рынке и её положения об отсутствии у России колоний (британского образца).

Струве удачно выявил идейный и административный стержень практического применения доктрины Листа в России. Цитируя труд Менделеева "Толковый тариф" и воодушевленно говоря о виттевском проекте строительства Транссибирской железной дороги, Струве уверенно описывал и, учитывая особую популярность его книги не только в марксистской, но и в русской революционной в целом, властной и университетской среде 1890-х гг., *марксистски* дополнительно легитимировал **протекционистски обоснованные (в целях опоры на собственные ресурсы) перспективы**

пространственно-экономической стратегии развития России, которые в первой трети XX века стали предметом политического консенсуса, и даже предвосхищали свои собственные империалистические проекты.

Здесь следует сделать уточнение и провести ограничение. Практическая близость немецкого протекционизма и марксизма была близостью не столько Листа, Маркса и Энгельса как искренних немецких патриотов, сколько близостью именно русского марксизма 1890-х гг. как доктрины капиталистической модернизации России ради её социалистического преобразования и, несомненно, была продиктована самой проблемой *осознанной отсталости России от Запада* и философией её преодоления **до и независимо от мировой революции**.

Это зримо следует из важного разъяснения лидера германской социал-демократии Августа Бебеля (1840-1913). Аргументируя общемировое измерение социально-экономического и политического прогресса *против политики преодоления отсталости с помощью протекционизма* в своей книге "Женщина и социализм", давшей, по общему признанию, наиболее детализированное изображение коммунистического будущего, Бебель цитировал: "Национальный интерес и интерес человечества в настоящее время враждебны друг другу. На высшей ступени цивилизации оба интереса когда-нибудь совпадут и составят единое целое" - фон Тюнен "Изолированное государство"...", то есть избрал таким образом в апологеты национально-государственных интересов теоретика предельного протекционизма, который, видимо, заслуживал такого же признания, как и Ф.Лист, но публично был едва замечен Марксом. Русский либеральный критик Маркса Л.З.Слонимский нашёл объяснение этому умолчанию, в том числе, в том, что Тюнен наибольшее внимание уделил сельскому хозяйству, которое занимало Маркса заметно меньше. Но более оправданным оказалось внимание к продолжателю Фихте - И.Г. фон Тюнену (1783-1850) у русских неонародников и большевиков в 1920-е гг., когда на примере Советской России и решалась судьба изолированного земледельческого государства перед лицом индустриализации.

В ранней истории Советской России, когда основой её идеологического самоопределения ещё оставалась радикальная марксистская доктрина мировой революции, названный труд А.Бебеля (с его отсылками) был широко переиздан. Однако в официальную пропаганду Советской России вошли и иные образы будущего - они в некотором условном *идейном балансе* уравнивали (должны были уравновесить) позицию Бебеля. И нет сомнений, что этот баланс был результатом сознательных идеологических усилий большевистской власти. Историк мировой социалистической традиции отмечает влияние в СССР идей немецкого автора Атлантикуса (Карла Баллода), который в своей книге 1898 года "Государство будущего" (переиздана в Советской России в 1921 г.) исследовал потенциал "социализма в одной стране" и был фактически одобрен - уже не политическим, как А.Бебель, - а теоретическим вождём германской социал-демократии конца 1890-х - 1900-х гг. Карлом Каутским (1854-1938). "Совершенно нет необходимости, чтобы весь земной шар одновременно перешёл к социализму", - писал он.

Можно сказать, что сама проблема достаточности национального рынка (масштаба национальной экономики) для развития суверенной промышленности (капитализма) генетически восходила к доктрине протекционизма Ф.Листа. Именно поэтому обязательное знание наследия Ф.Листа, хотя бы опосредованного Марксом и Энгельсом, стало частью марксистской школы в России уже в 1890-е, когда русский марксизм ещё только завоёвывал себе место среди лидеров русской социальной науки.

Именно идеология немецкого протекционизма Фридриха Листа, реализованная объединённой Германией Отто фон Бисмарка (1815-1898), своим примером и пафосом

породила индустриализацию эпохи императора Александра III, которую в наибольшей степени идеологически связывают с экономической политикой С.Ю.Витте и интеллектуальными интересами его союзника Менделеева. Одним словом, именно германский протекционизм Ф.Листа стал образцом индустриального успеха России.

Так практический протекционизм в Европе естественным образом соединился с экономическим социализмом. После отставки Витте с государственных постов теперь либеральный экономист и политик П.Б.Струве констатировал: **«Протекционизм побеждает совершенно неизбежно как более производительная система национальных экономических сил»**. В момент созревания русского коммунизма в форме большевизма и коммунистического государства в России в форме изолированного социализма, в форме сталинизма, - в начале XX века, перед войной и во время Первой мировой войны, на самой заре XX века британская "свобода торговли" умерла, уступив место взаимной борьбе протекционизмов, породив в этой борьбе новый инструмент территориальной экспансии капитализма - империализм, который взял на своё вооружение милитаризм, мобилизацию и тотальную войну. Британский идеолог Дж. Гобсон (1858-1940) открыл век особо ценным в устах британца признанием (выделено мной): **"Империализм отвергает принцип свободной торговли: он покоится на экономической основе протекционизма**. Поскольку империалист логичен, он откровенно признаёт себя протекционистом".

Изолированное государство

Лев Троцкий в своих мемуарах, неизменно сводя свои счёты со Сталиным, свидетельствовал, что своеобразный национал-революционный эгоизм Сталин молча, втайне проявил ещё в начале 1918 года, во время переговоров РСФСР с Германией в Брест-Литовске, которые для Троцкого и Ленина были эпизодом в ожидавшейся мировой революции. Для Троцкого в ходе этих переговоров и, видимо, в их результате непосредственно для России была гораздо более масштабная, иная "главная забота: сделать наше поведение в вопросе о мире как можно более понятным мировому пролетариату, была для Сталина делом второстепенным. Его интересовал "мир в одной стране", как впоследствии - "социализм в одной стране"". Природу этого интереса Сталина Троцкий прозревал в том, что Сталин, как и его выдвигенцы во власти, на деле не был интернациональным революционером, а был революционным этатистом и националистом.

Но это было сказано в мемуарах. А в ходе первого, в начале 1920-х гг., непосредственного переживания революционного одиночества России без мировой *именно западной* революции принуждение мыслить страну в качестве изолированного пространства, обречённого опираться только на собственные ресурсы, понимание "одной страны" разделяли даже влиятельные и открытые политические сторонники Троцкого, фактически споря с ним. На XI съезде РКП (б) 27 марта 1922 выступил один из них - начальник Политического управления Революционного Военного Совета СССР В.А.Антонов-Овсеенко. Он заявил нечто далёкое от широких троцкистских схем мировой революции:

"Мы должны осознать, что мы находимся и на долгое время, до развития мировой революции, несомненно долженствующей иметь место, будем находиться в положении осаждённой крепости, ни в коем случае не возлагая сколько-нибудь серьёзных надежд на существующую помощь заграничного капитала... Мы должны... больше возложить непосредственных задач на наши внутренние силы и направить своё внимание на поиски непосредственно внутри России, тех возможностей, которые в ней имеются. Это обязывает к очень многому. Это

обязывает к тому, чтобы считаться с нашей собственной экономикой, с которой мы чрезвычайно мало считались".

В это время Троцкий переиздаёт свою брошюру 1917 года "Программа мира" о мировом характере революции и против "оборончества", дополняя её послесловием 1922 года. Сначала он действительно глубоко обнаруживает тесную связь *национального государства* и *национальной обороны*, но, как ему кажется, нейтрализуя их приоритет тем, что апеллировал к социализму как не национальной, а мировой проблеме, то есть (как было показано выше) мифическому, уже разрушенному общемировому контексту, который он противопоставлял конкретной стране: "*Если бы проблема социализма могла быть совместима с рамками национального государства, то она тем самым была бы совместима с национальной обороной*. Но проблема социализма встаёт перед нами на империалистической основе, то есть в таких условиях, когда сам капитализм вынужден насильственно ломать им же установленные национально-государственные рамки". И в послесловии 1922 года смело идёт против складывающейся доктрины "социализма в одной стране", которую позже сам якобы не смог найти ранее конца 1924 года (выделено мной):

"Несколько раз повторяющееся в "Программе мира" утверждение, что пролетарская революция не может победоносно завершиться в национальных рамках, покажется, пожалуй, некоторым читателям опровергнутым почти пятилетним опытом нашей Советской Республики. Но такое заключение было бы неосновательно. Тот факт, что рабочее государство удержалось **против всего мира в одной стране, и притом отсталой**, свидетельствует о колоссальной мощи пролетариата, которая в других, более передовых, более цивилизованных странах способна будет совершать поистине чудеса. Но, отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли. Борьба за революционно-государственное самосохранение вызвала за этот период чрезвычайное понижение производительных сил; социализм же мыслим только на основе их роста и расцвета... До тех пор, пока в остальных европейских государствах у власти стоит буржуазия, **мы вынуждены, в борьбе с экономической изолированностью, искать соглашения с капиталистическим миром...** подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы".

Решительный противник Брестского мира Ленина-Троцкого в 1918 году, сторонник революционной войны против Германии и тем не менее - любимец Ленина в среде высшего руководства большевиков Н.И.Бухарин (1888-1938) вспоминал о недавнем прошлом осенью 1926 года, когда к уже произнесённой формуле "социализма в одной стране" идеологи ВКП(б) мучительно подыскивали доктринальные и политико-экономические основания. Он говорил, имея в виду Германию, в образце которой легко угадывалась негативная перспектива России:

"Ленин ещё в начале империалистической войны считал возможной такую перспективу, когда в случае победы какой-нибудь из коалиций в Европе станет возможной национальная война против победоносной империалистской коалиции: если какое-нибудь из крупных, ранее жизнеспособных империалистских государств будет наголову разбито. Когда Германия была разбита, была порабощена, когда она перешла на положение полуколонии, когда она в этом своём качестве оказывала известное сопротивление победоносному антантовскому империализму, тогда... постановка вопроса в Германской коммунистической

партии была такова, что не исключалась возможность защиты германского отечества против победоносного антантовского империализма...".

Седьмой расширенный пленум Исполнительного комитета Коминтерна (ИККИ) в ноябре-декабре того же 1926 года в своём постановлении по "русскому" вопросу, отвечая на обвинения троцкистов в "национальной ограниченности" тех, кто согласился строить "социализм в одной стране", ясно и требовательно сократил значение фактора мировой революции до служебного по отношению к судьбе СССР: формально идя на компромисс с Троцким, Сталин потребовал от мировой революции, так сказать, *аванса*, доказывающего её *платёжеспособность*. А роль СССР перенёс с периферии сцены мировой революции в её центр:

"недооценка внутренних сил развития в СССР... выражается в отрицании возможности построения социализма в СССР... пленум ИККИ полагает, что Советская Страна объективно является главным организующим центром международной революции... пленум считает клеветой на ВКП(б) обвинения в **национальной ограниченности**. Ориентируясь во всей своей работе на международную революцию, считая, что **окончательная** победа социализма возможна лишь как победа мировой революции, что только эта революция может **гарантировать** СССР от войны и интервенции и поможет ещё более ускорить темп хозяйственного развития СССР... СССР имеет **внутри страны "всё необходимое и достаточное"** для построения полного социалистического общества".

В этом пространном контексте важно, что большевики продолжали искать и находили прецеденты положения СССР в большой исторической глубине немецкой национальной мысли и актуальной политической практике и в общем без особых препятствий их находили. И изображать противостояние троцкистов с их *мировой революцией любой ценой* - и сталинистов с их *изолированным государством* - как борьбу нового издания интернационального западничества против нового издания русского национализма нет никаких оснований. Трактат Фихте "Замкнутое торговое государство" был переведён и издан в России ещё в годы перехода к идейному протекционизму и ускоренной индустриализации 1880-х и повторно - «неожиданно», с предисловием идейного большевика В.Невского, накануне решающей полемики о «социализме в одной стране». Независимый, национальный (национально-объединительный, национально-освободительный и национально обособленный) характер социалистического "замкнутого" государства, изложенный Фихте для Германии, - в отличие от интернационального социализма, социализма всемирного, следовавшего в этом британскому глобальному экономическому и колониальному интеллектуальному ландшафту и политической географии - был предметом осознанного выбора для марксистов 1890-х гг.

Именно Ф.Энгельс дал русской революционной традиции конца XIX - начала XX вв. карт-бланш на изображение учения Маркса философским наследником немецкого идеализма и тем самым санкционировал, при необходимости, избирательное использование наследия, в том числе, Фихте. Энгельс писал: "мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведём свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля", а Бердяев много лет спустя, уже глубоко изнутри эпохи сталинизма, особо повторял это как нечто важное: "Не нужно забывать, что Маркс вышел из недр немецкого идеализма начала XIX века, он проникнут был идеями Фихте и Гегеля".

В немецкой экономической мысли несомненным и скорым публицистическим продолжением линии Фихте стал труд Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике». Общей предпосылкой

своего исследования он взял условный образ замкнутой, суверенной и сбалансированной экономики «изолированного государства», доведённый до абсолюта. Логично, что и этот труд был тогда же издан государственным издательством в СССР, специально сориентированный на его аграрную специфику, но в интересах её суверенного функционирования, а вовсе не в интересах описания её зависимости от мирового хозяйства в целом и экспорта, в частности.

В этой интеллектуальной традиции и выступил некогда немецкий экономист Фридрих Лист с продуманной философией национальной экономики и национального суверенитета. Объединительный (немецких государств в Германию) протекционизм Ф.Листа, как уже было сказано, встретил внимательный анализ молодых Маркса и Энгельса, которые видели главное течение мирового прогресса в опыте Англии и Британской империи, вонне исповедовавших идеологию "свободы торговли", но оставались германскими патриотами и потому не могли игнорировать ничего, что обещало развить и объединить Германию. Пафос национального объединения и национального освобождения Германии, в русском восприятии внутренне родственной пафосу национально-религиозного освобождения и объединения Италии, ведомой столь любимыми в России и особенно русскими социалистами второй половины XIX - начала XX вв. Дж.Гарибальди и Дж.Мадзини, здесь узнавался и в наследии Листа.

Аргументированию того, что именно Германия – достаточно зрелое для революции «слабое звено» в цепи капитализма, которое может стать первым примером победы коммунизма, посвятил особые усилия главный идеолог немецкой революционной социал-демократии Карл Каутский. Но в СССР не могли официально сослаться на его известные признания того, что неравномерность развития стран в мире автоматически сократит начальную территорию победившего социализма до нескольких (наиболее развитых) стран – и потому и речи не может быть о некоей «всеобщности» мировой революции. В советской полемике догматика была успешна только при ссылках на Ленина. И беглые формулы о такой естественной неравномерности у Ленина найдены были.

Мощные корни доктрины "социализма в одной" стране были во всей идейной предыстории большевизма. И в споре о внутреннем рынке для капитализма, и в практике протекционизма, и в широко и без Ленина доктринально известной неравномерности развития, наконец, в уже высказанных Лениным признаниях об объективной незрелости России и неготовности её к социализму (не к собственной стабильной власти, а лишь к экспорту революции, для которого эта незрелость считалась достаточной). Но не только марксистские прецеденты и шаблоны руководили Лениным, когда он, стоя во главе коммунистической диктатуры в изолированной стране, вынужден был признать очевидное: что диктатура эта выжила в одиночестве и что у «одной страны», наравне с другими «одними странами», возникают интересы, отдельные от мирового масштаба. Близкий конфидент Ленина, Максим Горький *именно в 1924 году (первая редакция) и 1930 году (вторая редакция)* - фактически становясь на сторону Сталина в его споре с Троцким - цитировал сказанные ему Лениным примерно в 1919 году слова, в которых ясно вставало осознание свершившейся изоляции и следующей из неё практики «изолированного государства»: «Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата».

Нельзя сказать, что в этом осознании практической, несмотря на лозунги о пролетарской солидарности и всемирную сеть Коминтерна, **политической изоляции** (то есть в контрасте с образом мировой революции – «не всемирности») революционных событий в России состояла интеллектуальная революция или какой-нибудь особый "экономический национализм". Сама европоцентричная, общая для либералов, социалистов, марксистов,

традиционная идеология «лидеров прогресса», «передовых стран» или революционного лидерства содержала в себе неизбежное географическое разделение центра мировой цивилизации / революции и её периферии. Новация состояла лишь в поиске субъекта *свершившейся* социально-политической революции, подобно революции 1789 года во Франции. Промежуточный формат «изолированной революции» определил её самый главный противник, неизменный апологет мировой революции, не способный, в отличие от Ленина, даже к немногочисленным оговоркам, Троцкий. 30 июля 1923 года в «Правде», в очередном ожидании скорейшей победоносной коммунистической революции в Германии, он уже писал о перспективе революционных «Соединённых Штатов Европы», которые должны были бы покончить с ненавистным протекционизмом национальных государств, питаясь внешними ресурсами. Так, как всегда в Новое время это делала европейская экономика за счёт колоний и периферии: «Даже временно изолированная Европа (а изолировать её будет не так-то легко при наличии великого моста на Восток в виде Советского Союза) не только удержится, но и поднимется и окрепнет, уничтожив таможенные перегородки и сомкнув своё хозяйство с необъятными естественными богатствами [колониального Востока и России - М.К.]».

"Социализм в одной стране"

Проблема индустриальной периферийности России (в экономике которой абсолютно преобладало некапиталистическое сельское хозяйство, если не считать, вслед за радикальными марксистами, капитализмом любое товарное производство) возвращала большевиков к поддержанному Марксом и Энгельсом спору русских марксистов и народников о достаточности внутреннего рынка этой аграрной России для *развития в ней капитализма, - то есть крупной промышленности, то есть перспектив индустриального социализма, то есть полноценного участия России в мировой революции на пути к коммунизму*. Лежавший в подкладке этой проблемы вопрос о протекционизме как главном средстве "догоняющей" индустриализации уже был решён самим опытом Германии и опытом российского правительства Витте, но этот опыт большевикам ещё только предстояло осознать *не как партийный, а как государственный и даже общенациональный*. И он был осознан. Смотрящий на эти события предельно широко и в огромной исторической перспективе Бердяев ясно писал об этом в 1938 году в своём историческом труде, который, подобно сталинскому "Краткому курсу истории ВКП(б)" - для коммунистов, а троцкистским трудам - для антисталинистов, стал для западных исследователей катехизисом описания русской истории и русского коммунизма (выделено мной):

"Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт, что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведёт к национализму и националистической международной политике. Только Троцкий остаётся интернационалистом, продолжает утверждать, что коммунизм в одной стране не осуществим, и требует мировой революции. Поэтому он и был извергнут, оказался ненужным, не соответствующим конструктивному национальному периоду коммунистической революции".

Противостоящая мировой преобладающе протекционистской практике теория мировой революции не только догматически игнорировала всеобщую лихорадку милитаризма, но и отражала колониалистский солипсизм её авторов и провинциальную вторичность её последователей: теория доминирования, теория цивилизаторского расизма, изначально -

теория британского лидерства, она всегда отводила русским не равную, а подчинённую роль - просто в силу самой дихотомии прогресса и отсталости. В годы кризисов и катастроф эта роль была ролью "расходного материала".

Меньшевицские критики Сталина в рамках пропагандистской марксистской догмы (но против многочисленных практических оговорок Маркса, Энгельса и их личных учеников) законно спорили с Сталиным (и косвенно с его апелляциями к единичным пассажирам Ленина), естественно сходясь в этом с троцкистами *в защиту мировой революции и исключительно мирового масштаба перемен и международного разделения труда для её успеха*. Многое в этом противопоставлении мировой революции "социализму в одной стране" было актом противопоставления марксистской догмы XIX века и советской практики XX века, объединявшей вокруг себя тех, кто имел в своём распоряжении Советскую власть и СССР как суверенное государство. Троцкий, беря в политические свидетели память о Ленине, ясно рисовал (предположительно) их с Лениным общие амбиции не только не смиряться с рамками СССР как отдельного государства, но и признавать, что в ряду "цивилизованных" государств СССР нет:

"Мировая территория, захваченная так называемым цивилизованным человечеством, рассматривается как единое поле гигантской борьбы, составными элементами которой являются отдельные народы и их классы. Ни один крупный вопрос не замыкается в национальные рамки", - писал Троцкий в 1924 году.

Противостоящие «глобалистской» перспективе троцкизма и его апологии *международного разделения труда*, которое теперь - при свете науки - оказывается догматическим либеральным мифом из XIX века, который противостоял **мировой реальности дезинтеграции и суверенизации**, сталинисты и после поражения Троцкого не могли простить ему отрицания самостоятельной советской государственности, то их собственной власти. «Товарищи, когда-то Троцкий (произносишь это имя, и нехорошее сразу настроение делается, будь он трижды проклят, чтобы его поминать на таких наших съездах!) обвинял нашу партию в «национальной ограниченности», в измене интернационализму», - говорил верный сталинец С.М.Киров на XVII съезде ВКП (б) 31 января 1934 года. Троцкий был прав - и Киров напрасно стеснялся признать реальность.

Догматическим инструментарием проекта «социализма в одной стране» стала проблематика источников «первоначального накопления» капитала для финансирования индустриализации страны, протекционизма в её внешнеэкономических отношениях с заведомо более сильными зарубежными странами, факторах и целях изолированного существования России в контексте политики великих держав Запада, объективно превращающей страну в объект колониальной эксплуатации.

Сталин в докладе активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП (б) 13 апреля 1926 года «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии», в ходе открытой публичной внутривнутрипартийной полемики с Троцким дал, наконец, сводную формулу аргументов в пользу однозначного строительства в СССР экономически самодостаточной великой державы, призванной выжить независимо от внешней конъюнктуры – и даже в борьбе с ней: «Не может страна диктатуры пролетариата, находящаяся в капиталистическом окружении, остаться хозяйственно самостоятельной, если она сама не производит у себя дома орудий и средств производства, если она застревает на той ступени развития, где ей приходится держать народное хозяйство на привязи у капиталистически развитых стран, производящих и вывозящих орудия и средства производства. Застрять на этой ступени – значит отдать себя на подчинение мировому капиталу».

Такую всё более лапидарную доктрину «замкнутого государства» всё более откровенно (и, конечно, риторически опираясь в этом на Ленина) опровергал Троцкий, прямо критикуя, например, в докладе на VII расширенном пленуме ИККИ 13 декабря 1926 г., ключевые категории немецкой протекционистской и национально-государственной мысли, которые в СССР того времени уже были повторно введены в интеллектуальный оборот государственной пропагандой, - и терминологически невольно демонстрируя, что Сталин, которого Троцкий всегда считал «посредственностью», вставал в курс очень мощной и успешной политико-экономической традиции Фихте – Листа – Бисмарка. Троцкий говорил, демонстративно упрощая: «Представлять социалистическое хозяйство как абсолютно замкнутое и абсолютно независимое от окружающих народных хозяйств, - значит утверждать глупость». И если, по Троцкому, в «замкнутом социалистическом развитии» лежит принцип «национальной ограниченности, дополненный провинциальным самомнением», то был ли этот (скопированный с Германии и США) провинциализм большим, чем желание самого Троцкого из нищей России решить судьбу мировой революции и хозяйства?

Впрочем, уже после высылки из Москвы Троцкий признал отрицательные последствия предлагавшегося ослабления государственной монополии СССР на внешнюю торговлю и капиталы: это увеличило бы ввоз товаров и капитала, но "это были бы успехи на капиталистическом пути, который через несколько коротких этапов включил бы СССР в империалистическую цепь, и в этой цепи "Россия №2" снова оказалась бы слабейшим звеном с вытекающими отсюда последствиями полукOLONиального существования". Другой формулой компромисса он готов был принять и "диктатуру пролетариата" без социализма: "Разве Россия, изолированно взятая, созрела для социализма? Она созрела для диктатуры пролетариата как для единственного разрешения всех национальных проблем". Сталин, остроумно эксплуатируя признания Троцкого, писал тогда: "Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное, идеологическое оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т.п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму".

Выступая с докладом на XV конференции партии в конце 1926 года, Сталин сказал в общих рамках компромисса о сохранении в партийной риторике ссылки на мировую революцию: «Что такое окончательная победа социализма в нашей стране? Это значит создание полной гарантии от интервенции и попыток реставрации на основе победы социалистической революции, по крайней мере, в нескольких странах». Верно чувствуя в словах Сталина подмену мирового масштаба на «несколько стран» (которые в 1926 году уже можно было формально предъявить в лице СССР и контролируемых им Монгольской народной республики и Тувинской народной республики), то есть ревизию абсолюта мировой революции, Троцкий, Каменев, Зиновьев предприняли на конференции политически убедительные атаки на Сталина, законно апеллируя к марксистским «писанию» и «преданию». Эти марксистские тексты и традиции, конечно, никакой самоцельной и самоценной победы социализма в одной стране не предусматривали, но хорошо описывали неизбежность неравномерного движения к социализму (и, если угодно, к мировой революции) и ясно, особенно в наследии Маркса и Энгельса, изображали практику межгосударственной борьбы и конкуренции. Троцкий неопровержимо ссылался на актуальные высказывания непререкаемого авторитета – Ленина: «если на Западе не

будет социалистического переворота, без этого условия реставрация [капитализма в России] неизбежна».

Возникает логичный вопрос: зачем же один из вождей революции, Красной Армии, партии и государства, ещё вчера, после смерти Ленина, претендовавший в них на единоличное лидерство, говорил *о неизбежной гибели СССР* почти миллиону членов ВКП (б), в том числе «ленинскому призыву» 1924 года, миллионам советских бюрократов, сотням тысяч бойцов, командиров и комиссаров Красной Армии? Какой мобилизующий эффект он хотел произвести своей речью? На XV конференции ВКП (б) оказалось, что эта шекспировская роль понадобилась Троцкому не только в силу его традиционной самопрезентации как *вождя мировой революции*, но и для доказательства необходимости экономического компромисса с «враждебным окружением», который, как минимум, для очень многих (если не большинства) революционеров и советских активистов не мог не казаться капитуляцией. И догматически доступная реакция на этот акт Троцкого была единственна и проста: не опровергая неудобное в Ленине и на самом деле уже сделав свой выбор, искать и найти у Ленина санкции для своей отдельной от мировой революции жизни - просто потому, что иное противоречило жизненному и государственному инстинктам большинства. Здесь Сталин был вместе с тем партийным большинством, кто искал этой санкции и независимо от её наличия уже сделал свой выбор. За этим выбором «социализма в одной стране», то есть на деле - не более чем выбором в пользу «власти большевиков в одной стране», стояли не только общественные инстинкты, но и длительная европейская образцовая традиция «изолированного государства» и протекционизма, приоритетная для любой национальной власти. Троцкий же настаивал, уже формулируя самостоятельно:

«Полная победа социалистической революции немыслима в одной стране, а требует самого активного *сотрудничества*, по меньшей мере, нескольких передовых стран, к которым мы Россию причислить не можем».

Такое революционное сотрудничество (со странами, а не пролетариатами или революционерами) ради мировой революции вполне могло быть понято как принципиальное сотрудничество СССР с «капиталистическим окружением» в области продвигавшихся Троцким концессий, если не кредитов. В готовности построить на любых условиях Советскую Россию в международное колониально-капиталистическое разделение труда Троцкий на самом деле был отнюдь не одинок: "Мы существуем в системе капиталистических государств... На одной стороне - колониальные страны, но они еще не могут нам помочь, а на другой - капиталистические страны, но они наши враги... **Либо немедленная победа над всей буржуазией, либо выплата дани.** Мы совершенно открыто признаем, мы не скрываем, что концессии в системе государственного капитализма означают дань капитализму", - писал Ленин.

Но цитирование Троцким апокалиптических признаний уже коммунистически канонизированного и потому защищённого от противоречий Ленина, как сказано, вряд ли могло политически мобилизовать партийную массу. Социалистическая апокалиптика Ленина могла лишь бросить тень на того, кто напоминал о ней поклонникам Ленина. И для партийного большинства, победившего в Гражданской войне и занявшего руководящие места по всей территории СССР, выглядело, как минимум, провокационной подготовкой к капитуляции.

Предметом абсолютного консенсуса в понимании характера будущей войны было растущее ещё из Просвещения, Великой Французской революции конца XVIII века и индустриального XIX века убеждение в её непременной тотальности, когда границы

между фронтом и тылом будут полностью уничтожены, а военными ресурсами станут все экономические и демографические ресурсы воюющих стран в целом. В СССР это общее убеждение о приближении тотальной войны получило, в частности, редкое по внятности изображение в одном из многочисленных оригинальных и переводных трудов, который был тем более замечателен, что содержал в себе формулу *тотальной мобилизации на принципах изолированного государства*, адекватно описывавшую, как именно должен строить свою оборону СССР в окружении враждебных государств. Историк экономики П.Шаров, суммировав военно-организационный и экономический опыт противостоявших коалиций, с провидческой точностью и трезвостью составил для СССР и открыто опубликовал целую программу практической экономической подготовки к войне, прогностическая правота которой была продемонстрирована лишь в итоге многолетних ошибок планирования не только в СССР, но и в Германии. Он писал (выделено мной):

"В условиях мировой войны с её многомиллионными армиями, с интенсивным развёртыванием военных производств вопрос рабочих рук приобрёл характер исключительной важности, был одним из главнейших вопросов экономики войны, получившим в мировую войну почти решающее значение. Баланс людских контингентов между "армией фронта" и "армией тыла" - основное условие правильного взаимодействия фронта с тылом. (...) Напрашивается главнейший вывод: **надёжной гарантией хозяйственной мощи страны может быть только её полная экономическая независимость (...) мы должны всё внимание перенести на внутреннее производство, его расширение во всех областях.** Естественно, что нам такой путь обойдётся дороже, придётся переплачивать на вновь организовываемых производствах, но этот путь будет в конечном счёте самым дешёвым в предвидении неизбежности войны. Подготовка народного хозяйства СССР к обороне должна основываться **на предвидении, если не полной, частичной блокады нашей страны**".

Поддержавшие Сталина в его полемике с Троцким руководящий коммунистический идеолог Бухарин и старый большевистский публицист, глава Центрального статистического управления СССР В.В.Осинский (1887-1938) посвятили свои усилия операционализации выводов из формулы Сталина о «социализме в одной стране», ради одобрения которой и была созвана XV партийная конференция в 1926 году. В.В.Осинский уверенно напоминал партийцам старые марксистские споры, показывая, что они носят не просто тактико-политический характер:

«...самая идея *строительства* социализма прямым и неизбежно ведёт к постановке вопроса о строительстве социализма в одной стране (...) *возможно* ли строительство социализма в нашей стране нашими собственными средствами, без существенной экономической помощи извне, возможно ли это *материально*... это возможно (...) Возьмём Соединённые Штаты Северной Америки и посмотрим, препятствует ли их связь с мировым хозяйством тому, чтобы имея *обширнейший внутренний рынок*, - заметьте, как это самое имеется и в России, - имея обширнейший внутренний рынок, они в первую очередь развивались за собственный счёт и экономика их определялась в первую очередь внутренними процессами, а не внешними условиями. Мы должны ответить, что не препятствует».

"Первоначальное социалистическое накопление"

Вне партийной схоластики и академических споров действительное развитие капитализма в России не просто как эволюции товарного хозяйственного уклада, а как ускоренной

индустриализации ещё в эпоху Витте, уже тогда поставило вопрос об источниках накопления для финансирования индустриализации. М.И.Туган-Барановский (1865-1919) так подводил итоги первой русской индустриализации. Описывая «крупные успехи» в развитии тяжёлой промышленности в России конца XIX века, тогда уже традиционно связываемые с политикой С.Ю.Витте по оздоровлению финансовой системы, предопределившей приток иностранных капиталов, и усилению государственного железнодорожного строительства, экономист особо подчеркнул управляемость и «искусственность» этих достижений, ибо «Россия принадлежит к числу стран, бедных капиталом» и не накапливает его в достаточном количестве. В таких условиях даже внутренние источники экономического роста вызывают удивление специалистов: «Поэтому без помощи иностранных капиталов нечего и думать о развитии нашей промышленности». Но главной новостью промышленного развития Российской империи становилось то, что исторически короткий период обилия внешнего капитала, выпавший на время индустриализации под руководством министра финансов Витте, очевидным образом заканчивался в перспективе мировой войны.

Великий теоретик и практик германской социал-демократии и марксизма, Роза Люксембург (1871-1919) накануне Первой мировой войны дала глубокий очерк природы капиталистического накопления в эпоху империализма, одновременно указывая будущим правящим большевикам на практически неисчерпаемые мировые ресурсы антикапиталистического развития, которое, однако, в силу самих условий эпохи тотальных войн с её принуждением вряд ли отличалось бы от капиталистической эксплуатации. Не признавая именно это методологическое значение труда Р.Люксембург для социалистического строительства, особенно индустриализации, большевики многократно переиздавали его в СССР и рекомендовали в качестве предмета для партийно-марксистского самообразования. В своей пророческой книге Р.Люксембург писала, тесно связывая проблему накопления капитала с историей протекционизма в зарубежной Европе и России в 1880-е гг., после короткого периода общеевропейского увлечения свободой торговли в 1860-1870-х, и империализма:

«Милитаризм выполняет в истории капитализма вполне определенную функцию. Он сопровождает накопление во всех его исторических фазах. В периоде так называемого «первоначального накопления», т. е. при зарождении европейского капитала, милитаризм играет решающую роль при завоевании Нового Света и индийских стран пряностей; но он сохраняет решающее значение и позже – при завоевании современных колоний (...) при навязывании отсталым странам железнодорожных концессий и при проведении в жизнь требований европейского капитала в форме международных займов; милитаризм играет, наконец, решающую роль как средство конкурентной борьбы между капиталистическими странами из-за областей некапиталистической культуры. (...) Итак, капиталистическое накопление как целое, как конкретный исторический процесс складывается из двух различных частей. Одна из них совершается на месте производства прибавочной стоимости – на фабрике, в руднике, имении – и на мировом рынке. (...) Другая сторона процесса накопления капитала совершается между капиталом и некапиталистическими формами производства. Ее арендой служит весь мир. В качестве методов здесь господствуют колониальная политика, система международных займов, политика сфер интересов и войны».

Политическое решение вопроса о принятии в качестве государственной доктрины теории «строительства социализма в одной стране» автоматически предопределяло и решения вопроса об источниках этого строительства именно как промышленного, а не аграрного, что диктовалось не только марксистской догматикой, но и практикой военно-

стратегического выживания с опорой на собственный тыл. Внутренние источники индустриализации неизбежно создавались только административно-принудительной практикой «первоначального социалистического накопления», которое единственное обещало обеспечить СССР достаточный объём внутреннего труда и капитала. Но пока такое решение о принудительном изъятии капитальных ресурсов, само решение об «изолированном государстве», пусть и защищённом протекционистской монополией на внешнюю торговлю, оставалось лишь теоретическим пожеланием, сроком проверки которого должна была стать ближайшая война. Главным тестом на начало «строительства социализма в одной стране» стала политика власти в отношении крестьянства.

Ещё в доктринальной логике наследия Маркса и Энгельса обнаруживалась **внутренняя связь протекционизма, изолированной экономики и первоначального накопления** - так, как его суть описал сам Карл Маркс - то есть:

"Исходным пунктом развития, создавшего как наемного рабочего, так и капиталиста, было рабство рабочего. (...) В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, ...когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса".

Особенно весомыми для дискуссии в СССР об источниках накопления капитала для индустриализации, которые продолжали давно решённый русскими марксистами вопрос таким образом, что накопления достаточно внутреннего рынка, стали архивные публикации из наследия Маркса, предпринятые в СССР именно в 1924 году. Речь идёт о набросках его ответа на письмо В.И.Засулич (они остались ей неизвестны) о судьбе русских общины и капитализма, то есть - в условиях 1920-х гг. - **о судьбе сельского хозяйства и индустриализации СССР**. Маркс описывал прогресс методов экспроприации, что выглядело идейной инструкцией для действий советской власти в деревне в конце 1920-х гг. (выделено мной):

"Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. **Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям. (...) За счет крестьян государство выпестовало те наросты капиталистической системы, которые легче всего было привить — биржу, спекуляцию, банки, акционерные общества, железные дороги, дефицит которых оно покрывает и авансом выплачивает прибыль предпринимателям, и т. д. и т. д.»**

При этом Маркс дидактически легко оперировал условиями изолированной экономики, понимая её как теоретически работоспособную модель: **"Если бы Россия была изолирована от мира, если бы она должна была сама, своими силами, добиться тех экономических завоеваний, которых Западная Европа добилась**, лишь пройдя через длинный ряд эволюций...". Источник этих достижений был ясен всем без исключения.

Ещё до коллективизации в СССР русский экономист-эмигрант В.Ф.Гефдинг (1887-1979) безошибочно выявил единственный возможный источник «социалистического накопления» - сферу преобладающе натурального крестьянского хозяйства. Планы принудительной эксплуатации крестьянства России становятся предметом консенсуса в

среде советских экономистов-аграрников. Например, вскоре репрессированный Н.Д.Кондратьев, полемизируя с, напротив, прожившим длинную и успешную советскую жизнь зампреда Госплана СССР С.Г.Струмилиным (1877-1974), ставит задачу «правильного соотношения индустрии и сельского хозяйства», чтобы оно соответствовало «намеченному темпу роста продукции». И высказывается в пользу активного использования накоплений в сфере сельского хозяйства для инвестирования в крупные государственные проекты - против тезиса Струмилина о том, что это невозможно, ибо деревня «живёт на *пороге физиологических норм существования*» и поэтому «не может служить сколько-нибудь заметным источником для социалистического накопления». Невзирая на близкий **порог физиологических норм существования**, Кондратьев ставит задачу форсированного повышения производительности труда крестьянства. В условиях принимаемого как неизбежность отсутствия крупных инвестиций в сельское хозяйство и даже наоборот – принимаемого как неизбежность изъятия накоплений из сельского хозяйства, это, несомненно, означает усиление административной эксплуатации и принудительное изъятие не только прибавочного, но и части необходимого продукта, то есть более, чем это допустимо для нормального воспроизводства рабочей силы.

Говоря о социально-экономической модернизации («реконструкции») Советской России, Н.Д.Кондратьев выступал с **апологией централизации капитала как стержня всей модернизации**: «предпосылкой таких реконструкций является концентрация капитала в распоряжении мощных предпринимательских центров. Этой концентрации способствует система кредита и фондовая биржа», придающая капиталу «подвижность» и «дешевизну» - после этого «начинается полоса для каждого данного исторического периода относительно грандиозного нового строительства, когда находят своё широкое применение накопившиеся технические изобретения, когда создаются новые производительные силы». Анализируя самый фокус проблем СССР – волны накопления для инвестирования и депрессий – он видит причину и условия внутреннего развития «длительной волны» «инвестирования капитала в крупные и дорогие сооружения» вплоть до дефицита накоплений - «в развитии внешневоенных и внутреннесоциальных потрясений»: **в военной угрозе и социальных революциях**. Как известно, именно усиленно нагнетаемая в СССР внешняя "военная угроза" 1927 года стала непосредственным политическим сигналом к началу ускоренной коллективизации и индустриализации. Здесь же Кондратьев фактически проговаривает приглашение к ограблению сельского хозяйства: ибо «промышленность быстрее приспособляется к новым условиям... подвергается большим потрясениям под влиянием военно-революционных столкновений... Наоборот, сельское хозяйство... в меньшей степени подвергается разрушительным социальным и военным потрясениям».

Политическая история советской доктрины "первоначального социалистического накопления", то есть накопления, построенного на столь же принудительном ограблении крестьянского большинства, как это было исторически описано Марксом на опыте капиталистической Англии, таким образом, нисколько не выпадала из консенсуса советской экономической мысли, искавшей ресурсов для изолированной (суверенной) индустриализации. На деле все были едины в убеждении: иного источника для внутреннего финансирования индустриализации в продиктованные военной опасностью сроки не существует. Главным разработчиком доктрины этого "социалистического накопления" стал один из самых влиятельных - по смертельной для него иронии судьбы - сторонников Троцкого, председатель Финансового комитета ЦК РКП(б) и СНК РСФСР Е.А.Преображенский. Троцкому была догматически чужда эта доктрина и всё, что стояло за ней, а именно - изолированное, протекционистское существование СССР в эпоху глобальной конкуренции таких же изолированных и протекционистских великих держав. Но политический союз Троцкого и Преображенского заставлял их быть вместе во внутривнутриполитической борьбе и вместе идти к гибели. Политически отрицая *только имя* его

доктрины, именно её на деле **взяла на вооружение и реализовала Советская власть во главе со Сталиным**.

Выступая 26 мая 1924 года на XIII съезде РКП(б), Преображенский говорил: "сила наша заключается не в том, что мы имеем *достаточно накопленных средств* (курсив мой - М.К.), а в том, что мы в состоянии соединить все наши ресурсы, опираясь на диктатуру пролетариата". И далее - *о цели такого диктаториального накопления* сначала в государственной промышленности и о создании основы для дальнейшего накопления - уже на основе внешне преобладающим над государственной (социалистической) промышленностью крестьянским хозяйством. То есть об изначально стоящей задаче **инвестирования капитала, изъятого из аграрной сферы, в крупное и интегрированное производство**. Подразумевалось, что именно в этом состоит отличие социалистического накопления от капиталистического - и что **в этом социалистическом накоплении - экономическая основа для выживания "социализма в одной стране"**. Преображенский говорил на съезде: "вопрос о социалистическом накоплении в том, чтобы... побеждать мелкое производство, - имеет центральное значение".

А в печати Преображенский доформулировал, что последующее расширение накопления касается **исключительно мелкого негосударственного производства, то есть массы мелких крестьянских хозяйств**. В истории Англии это накопление, писал он, было "систематическим грабежом мелкого производства", "другой формой грабежа... была колониальная политика стран мировой торговли", "методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий". Закрывая для Советской власти перспективу грабежа колоний, Преображенский открывал для неё перспективу грабежа "досоциалистического" крестьянства.

Уже ведя внутривнутрипартийную борьбу против Троцкого и троцкистов (и первого среди них - Преображенского), их политические противники в руководстве ВКП(б), однако, могли лишь неприципиальными отговорками дистанцироваться от лапидарного конфискационного смысла "первоначального социалистического накопления", которое неизбежно стояло на повестке дня после объявленного на XIV съезде партии в 1925 году курса на индустриализацию СССР, которая самым радикальным образом ставила перед властью срочную проблему накопления для инвестирования в индустриализацию. Поэтому, например, XV конференция партии (октябрь - ноябрь 1926) в своей резолюции "О хозяйственном положении страны и задачах партии" стыдливо топит *безальтернативную связь именно накопления и индустриализации* - в риторике "нагнать и превзойти", которой, однако, прямо противоречит ссылка на "темпы накопления" в бедной стране, то есть ссылка на то, что бедность сама по себе порождает столь низкий темп накопления, что не даёт никаких шансов "нагнать и превзойти":

"Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран. Успешное осуществление этого зависит от темпа накопления в народном хозяйстве и от тех ресурсов, которые оно сможет выделить для разрешения задачи индустриализации".

Примечательно, что в этой резолюции большевики фактически открыто порывают с надеждами на возможную в будущем революционно-промышленную помощь "передовых стран" и утверждают отдельное, экономически конкурирующее с ними сосуществование "социализма в одной стране". Партийный законодатель в итоге вынужден возложить главную надежду на "дополнительные средства". Эволюционистский оппонент Преображенского Н.И.Бухариным ещё в 1920 году в знаменитой книге "Экономика переходного периода", писал, демонстрируя глубокое родство доктрины Преображенского доктринальному консенсусу русских марксистов:

"придётся пережить на первых порах период первоначального социалистического накопления (термин, предложенный тов. В.М.Смирновым (в "Еженедельнике "Правды")). В чём состояла производственная сущность капиталистического первоначального накопления? В том, что политическая власть буржуазии мобилизовала огромные массы населения, ограбив их, превратив их в пролетариев, создав из них основную производительную силу капиталистического общества. *Производство пролетариата* - вот "сущность" периода первоначального накопления. (...) Но и социализм, вырастающий на груде обломков, должен неизбежно начинать с мобилизации живой производительной силы. Эта трудовая мобилизация составляет основной момент социалистического первоначального накопления".

Здесь же, в главе "Внеэкономическое принуждение в переходный период", Лениным оценённой как "превосходная", именно Бухарин провёл прямую и циничную параллель:

"Ограбление общинных земель в Англии в период первоначального накопления, массовый принудительный труд рабов в Древнем Египте, колониальные войны, "великие бунты" и "славные революции", империализм, коммунистическая революция пролетариата, трудовые армии в Советской Республике - все эти разношёрстные явления разве не связаны с вопросом о принуждении? Конечно, да".

В этой апологии массового принудительного *физического, неквалифицированного, непроизводительного* труда, - нет ни слова о *накоплении собственного капитала*. И потому - нет главного для *промышленной* индустриализации в категориях XX и даже XIX века. Есть система принудительного труда, выросшая в ГУЛАГ, но нет того, чему служили главные усилия ГУЛАГа по созданию энергетической, транспортной и ресурсной базы индустриализации. План массовой пролетаризации "непролетарского" крестьянства и его же массового принудительного труда - и есть план социалистического закрепощения крестьянства, в целях которого Бухарин так и не определился (оставляя пролетаризацию самоцелью для концентрации труда), утверждая голое насилие без внятной экономической цели. А Преображенский, напротив, внятно определил его целью - экспроприацию и капитализацию прибавочного продукта, неизбежными продуктами которых становятся и капитал, и армия труда для индустриализации.

Партийный законодатель на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в октябре 1927 начал переход к практической программе "первоначального социалистического накопления" (масштабной принудительной коллективизации сельского хозяйства), публично отказываясь от оказавшегося "некорректным" термина *накопления*, но произнося проблему "*максимальной* (курсив источника - *М.К.*) перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии". Пленум пожертвовал абстракцией "*максимальной перекачки*" и позволил всё "не максимальное": "**неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии**; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны". А задачу определить "равновесие" и объём и меру "перекачки средств" партия передала в ведение своего высшего партийного руководства, ничем его не ограничив, кроме риторики.

Доктринальная победа Преображенского была совершенно ясна для всех большевистских вождей - и особенно стала ясна, когда коллективизация началась. Бухарин признавался Каменеву в частном письме в июле 1928 года: "Линия же его [Сталина] такая: 1) Капитализм рос или за счёт колоний, или займов, или эксплуатацией рабочих. Колоний у нас нет, займов не дают, поэтому наша основа - дань с крестьянства (ты понимаешь, что это то же, что теория Преображенского)". Не была секретом и преимущество

антикрестьянская природа сталинской индустриализации и для внешнего компетентного русского взгляда.

Любой знакомый с доминирующей формулой советского описания индустриализации, повторяющей формулу, данную в "Кратком курсе истории ВКП(б)", подтвердит, что её фокусом действительно был (поставленный Преображенским) вопрос о финансировании индустриализации, аккуратно лишённый центрального понятия финансирования индустриализации - накопления и инвестирования капитала, *помимо колониальной эксплуатации*. Лишь само понятие накопления, развитое в доктрину Преображенским, по политическим соображениям борьбы против троцкистов было удалено из позитивной истории партии. Однако и критики Преображенского верно проговаривались о сути этой эксплуатации, ровным счётом ничего не противопоставляя ей, кроме риторики о "союзе" рабочих и крестьян, особенно в самый разгар принудительной коллективизации.

Поэтому естественно, что наиболее глубокому анализу **принуждение к "первоначальному социалистическому накоплению" ради изолированной и ускоренной индустриализации** подвергли именно русские экономисты-аграрники, связавшие свою судьбу с изучением крестьянства. Упомянутые Н.Д.Кондратьев и А.В.Чаянов, пришедшие в советскую экономическую власть из революционной неонароднической научной и политической среды, были естественными носителями доктрины "трудового крестьянского хозяйства" как основы справедливой экономики и общественности, но именно им суждено было определить перспективы *сельского хозяйства России как основы внутреннего рынка для промышленности*. В эссе в историю земельной ренты Чаянов показывал, что в Англии (неназванного периода "первоначального накопления"), высокая земельная рента от крупного овцеводства предопределила "ограбление крестьянского арендаторства". Из такой логики капитализации ренты исходил Чаянов, рисуя проект кооперации сельского хозяйства как равной капиталистической его концентрации.

Другой знаменитый русский экономист-аграрник, близкий к народникам, но *последовательный противник советской власти* Б.Д.Бруцкус (1874-1938) также давал основания полагать, что судьба мелкого крестьянского хозяйства была предрешена и оно было обречено даже в глазах его учёных апологетов. Уже в 1917 году Бруцкус приходил к выводу, что "для радикального решения аграрного кризиса в конце концов имеется только одно средство: дифференциация населения на почве развития промышленности и капитализма", мобилизация земли, единонаследие, "отход от земли лишних ртов". Если перевести это суждение на язык социальной науки, то Бруцкус предрекал неизбежность обнищания массы крестьянства, его пролетаризацию и вытеснение в города и промышленность в сферу дешёвого неквалифицированного труда, то есть то, что вошло в формулу Маркса о капиталистическом первоначальном накоплении.

Перед лицом этой крайней эксплуатации, несоразмерной с задачами мировой революции и едва представимой с точки зрения возможностей "замкнутого" СССР, чуткий, враждебный и компетентный наблюдатель Г.П.Федотов, описывая эволюцию сталинского коммунизма, обнаружил в ней связанность протекционистского «изолированного государства» и «социализма в одной стране» - с изначально заложенной в немецком образце теорией гражданской «национализации» - против интернационализма мировой революции. И назвал это «национализацией Октября». Современный либеральный теоретик Мансур Олсон также вынужден признать этатистский смысл сталинского превращения коммунистического проекта: "Сталин не сделал ничего такого, что способствовало бы отмиранию государства, хотя Маркс предсказывал и поддерживал это отмирание. Зато он сделал всё возможное для увеличения силы и мощи советской военной машины и необходимой для неё промышленной и научной базы".